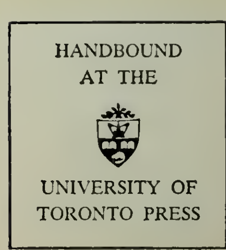

3 1761 08820961 4

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/vechernieognisob00feta

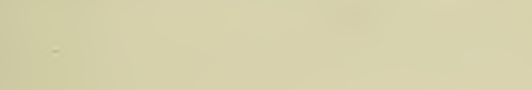
2541
Shenshin, Athanasii Afanasievich

ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ.

Vecher'nie ogni
76

СОБРАНІЕ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. ФЕТА.

540028
1. 5. 52

МОСКВА. 1883.

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, собст. домъ.

Окна въ рѣшоткахъ и сумрачны лица,
Злоба глядитъ ненавистно на брата,
Я признаю твои стѣны, темница,
Юности пиръ ликовалъ здѣсь когда-то

Чтожь тамъ мелькнуло красою нетлѣнной?
Ахъ! то цвѣтокъ мой весенній, любимый.
Какъ уцѣлѣлъ ты засохшій, смиренный
Тутъ подъ ногами толпы нелюдимой?

Радость сіяла чиста безупречно
Въ часъ, какъ тебя обронила невѣста.
Нѣтъ; не покину тебя безсердечно,
Здѣсь у меня на груди тебѣ мѣсто.

ЭЛЕГІИ И ДУМЫ.

Не первый годъ у этихъ мѣстъ
Я въ часъ вечерній проѣзжаю,
И каждый разъ гляжу окрестъ,
И надъ березами встрѣчаю
Все тотъ же золоченый крестъ.

Среди зеленой густоты
Карнизовъ обветшалыхъ пятна,
Внизу могилы и кресты —
И мнѣ, — мнѣ кажется понятно,
Что шепчутъ куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Надъ дорогими мертвецами,
Стремлюсь, куда-то вдаль спѣша,
Но встрѣчу съ тихими гробами
Смиренно празднуетъ душа.

Томительно — призывно и напрасно
Твой чистый лучъ передо мной горѣлъ.
Нѣмой восторгъ будилъ онъ самовластно,
Но сумрака кругомъ не одолѣлъ.

Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
Пусть говорятъ: то бредъ души больной;
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря,
Отважною, не тонущей ногой.

Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную;
Онъ мой, — и съ нимъ двойное бытіе
Вручила ты, и я, я торжествую
Хотя на мигъ безсмертіе твое.

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнѣніемъ мнѣ суждено дышать,
И трепещу и сердцемъ избѣгаю
Искать того, чего нельзя понять.

А былъ разсвѣтъ! Я помню, вспоминаю
Языкъ любви, цвѣтовъ, ночныхъ лучей. —
Какъ не цвѣсти всевидящему маю
При отблескѣ родномъ такихъ очей!

Очей тѣхъ нѣтъ, — и мнѣ не страшны гробы,
Завидно мнѣ безмолвіе твое,
И не судя ни тупости, ни злобы,
Скорѣй, скорѣй въ твое небытіе.

ALTER EGO.

Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моей
И была ли при этомъ побѣда, и чья,
У ручья ль отъ цвѣтка, у цвѣтка ль отъ ручья?...

Ты душею младенческой все поняла,
Что мнѣ высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь безъ тебя суждено мнѣ влачить,
Но мы вмѣстѣ съ тобой, насъ нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могилѣ твоей
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старе оно, тѣмъ свѣжѣй,
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы какъ боги съ тобой.

У любви есть слова, тѣ слова не умрутъ.
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ;
Онъ съумѣетъ насъ сразу въ толпѣ различить,
И мы вмѣстѣ придемъ, насъ нельзя разлучить.

СМЕРТЬ.

„Я жить хочу!“ Кричитъ онъ дерзновенный,
„Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!“
И въ мысляхъ нѣтъ, что это ледъ мгновенный,
А тамъ подъ нимъ, бездонный океанъ.

Бѣжать? Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?
Что ни разцвѣтъ живой, что ни улыбка,
Уже подъ ними торжествуетъ смерть.

Слѣпцы напрасно ищутъ гдѣ дорога,
Довѣрясь чувствъ слѣпымъ поводырямъ;
Но если жизнь базаръ крикливый бога,
То только смерть его безсмертный храмъ.

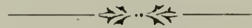
СРЕДИ ЗВѢЗДЪ.

Пусть мчитесь вы, какъ я покорны мигу,
Рабы, какъ я, мнѣ прирожденныхъ числъ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я въ ней читаю смыслъ.

Въ вѣнцахъ, лучахъ, алмазахъ, какъ Калифы,
Излишнія средь жалкихъ нуждъ земныхъ,
Незыблемой мечты іероглифы,
Вы говорите: „вѣчность мы, — ты мигъ

„Намъ нѣтъ числа. Напрасно мыслью жадной
„Ты думы вѣчной догоняешь тѣнь;
„Мы здѣсь горимъ, чтобъ въ сумракъ непроглядный
„Къ тебѣ просился беззакатный день.

„Вотъ почему, когда дышать такъ трудно,
„Тебѣ отрадно такъ поднять чело
„Съ лица земли, гдѣ все темно и скудно,
„Къ намъ, въ нашу глубь, гдѣ пышно и свѣтло“.

Die Gleichmässigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, das wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja das es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.

Schopenhauer

I.

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душей уступаю,
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды,
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, какъ зовъ задушевной,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность,
И пламя твое узнаю, солнце міра.

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится,
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится.

И все что мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ плотской и безплотный
Твой только отблескъ, о солнце міра!
И только сонъ, только сонъ мимолетный.

И этихъ грезъ въ мировомъ дуновеньи,
Какъ дымъ, несусь я и таю невольно;
И въ этомъ прозрѣньи, и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

II.

Въ тиши и мракѣ таинственной ночи
Я вижу блескъ привѣтный и милой,
И въ звѣздномъ хорѣ знакомыя очи
Горятъ въ степи надъ забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма
И сонъ сиротливъ одинокой гробницы,
И только въ небѣ, какъ вѣчная дума,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И снится мнѣ, что ты встала изъ гроба,
Такой же, какой ты съ земли отлетѣла,
И снится, снится, мы молоды оба
И ты взглянула, какъ прежде глядѣла.

26 МАЯ 1880 ГОДА.

КЪ ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА.

Исполнилось твое пророческое слово;
Нашъ старый стыдъ взглянулъ на бронзовый твой
ликъ,
И легче дышется, и мы дерзаемъ снова
Всемірно возгласить: ты геній, ты великъ!

Но, зритель ангеловъ, гласъ чистаго, святаго,
Свободы и любви живительный родникъ,
Заслыша нашу рѣчь, нашъ вавилонскій крикъ,
Что въ нихъ нашелъ бы ты завѣтнаго, роднаго?

На этомъ торжищѣ, гдѣ гамъ и тѣснота,
Гдѣ здравый, русскій смыслъ примолкъ какъ сирота,
Всѣхъ громогласнѣй тать, убійца и безбожникъ,
Кому печной горшокъ всѣхъ помысловъ предѣлъ,
Кто плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горѣлъ,
Толкать дерзая твой незыблемый треножникъ.

1 МАРТА 1881 ГОДА.

День искупительнаго чуда,
Часъ освященія креста:
Голгоѳѣ передалъ Іуда
Окровавленнаго Христа.

Но Сердцевѣдецъ безмятежный
Давно, смиряяся постигъ,
Что не проститъ любви безбрежной
Ему коварный ученикъ.

Передъ безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорѣлася любовь.

Она сіяетъ правдой новой.
Благословивъ ея зарю,
Онъ крестъ и свой вѣнецъ терновый
Земному передалъ царю.

Безсильны козни фарисейства:
Что̀ было кровь, то стало храмъ,
И мѣсто страшнаго злодѣйства
Святыней вѣковѣчной намъ.

Когда Божественный бѣжалъ людскихъ рѣчей
И празднословной ихъ гордыни,
И голодъ забывалъ и жажду многихъ дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшаго, на темя сѣрыхъ скалъ
Князь міра вынесъ величавой,
„Вотъ здѣсь, у ногъ твоихъ всѣ царства", — онъ сказалъ,
„Съ ихъ обаяніемъ и славой.

„Признай лишь явное. Пади къ моимъ ногамъ,
„Сдержи на мигъ порывъ духовный;
„И эту всю красу, всю власть тебѣ отдамъ
„И покорюсь въ борьбѣ неровной".

Но Онъ отвѣтствовалъ. „Писанію внемли:
Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй колѣни".
И сатана исчезъ, — и ангелы пришли
Въ пустынѣ ждать Его велѣній.

НИЧТОЖЕСТВО.

Тебя не знаю я. Болѣзненные крики
На рубежѣ твоемъ рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первыя земнаго бытія.

Сквозь слезъ младенческихъ обманчивой улыбкой
Надежда озарить съумѣла мнѣ чело,
И вотъ всю жизнь съ тѣхъ поръ ошибка за ошибкой,
Я все ищу добра, и нахожу лишь зло.

И дни смѣняются утратой и заботой,
(Не все ль равно: одинъ иль много этихъ дней!)
Хочу тебя забыть надъ тяжкою работой,
Но мигъ,—и ты въ глазахъ съ бездонностью своей.

Что жь ты? Зачѣмъ? Молчатъ и чувства и познанье.
Чей глазъ хоть заглянулъ на роковое дно?
Ты, — это вѣдь я самъ. Ты только отрицанье
Всего что чувствовать, что мнѣ узнать дано.

Что жь я узналъ? Пора узнать, что въ міозданьи
Куда ни обратись, — вопросъ, а не отвѣтъ.
А я дышу, живу и понялъ, что въ незнаньи
Одно прискорбное, но страшнаго въ немъ нѣтъ.

А между тѣмъ, когда бъ въ смятеніи великомъ
Срываясь, силой я хоть дѣтской обладалъ,
Я встрѣтилъ бы твой край тѣмъ самымъ рѣзкимъ
крикомъ,
Съ какимъ я нѣкогда твой берегъ покидалъ.

Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ
Ты предъ моимъ мятущимся сознаньемъ,
Что въ звѣздный день твой свѣтлый Серафимъ
Громадный шаръ зажегъ надъ міозданьемъ.

И мертвецу съ пылающимъ лицемъ
Онъ повелѣлъ блюсти твои законы,
Все пробуждать живительнымъ лучемъ,
Храня свой пылъ столѣтій милліоны.

Нѣтъ, ты могучъ и мнѣ непостижимъ
Тѣмъ, что я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный Серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной.

Межъ тѣмъ какъ я, добыча суеты,
Игралище ея непостоянства,—
Во мнѣ онъ вѣченъ, вездѣсущъ какъ ты,
Ни времени не знаетъ, ни пространства.

НИКОГДА.

Проснулся я. Да, крыша гроба, — руки
Съ усильемъ простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертныя. — Да, это на яву; —
И безъ усилій, словно паутину,
Сотлѣвшую раздвинулъ домовину,

И всталъ. Какъ ярокъ этотъ зимній свѣтъ
Во входѣ склепа. Можно ль сомнѣваться,
Я вижу снѣгъ. На склепѣ двери нѣтъ.
Пора домой. Вотъ дома изумятся.
Мнѣ паркъ знакомъ. Нельзя съ дороги сбиться.
А какъ онъ весь успѣлъ перемѣниться!

Бѣгу. Сугробы. Мертвый лѣсъ торчитъ
Недвижными вѣтвями въ глубь эѳира,
Но ни слѣдовъ, ни звуковъ. Все молчитъ,
Какъ въ царствѣ смерти сказочнаго міра;
А вотъ и домъ. — Въ какомъ онъ разрушеньи!
И руки опустились въ изумленьи.

Селенье спитъ подъ снѣжной пеленой,
Тропинки нѣтъ по всей степи раздольной.
Да, такъ и есть: надъ дальнею горой
Узналъ я церковь съ ветхой колокольней.
Какъ мерзлый путникъ въ снѣговой пыли,
Она торчитъ въ безоблачной дали.

Ни зимнихъ птицъ, ни мошекъ на снѣгу.
Все понялъ я. Земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
Въ груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
Съ чѣмъ связано? И въ чемъ его призванье?

Куда идти, гдѣ некого обнять?
Тамъ, гдѣ въ пространствѣ затерялось время?
Вернись же смерть, поторопись принять
Послѣдней жизни роковое бремя.
А ты застывшій трупъ земли лети,
Неся мой трупъ по вѣчному пути.

———⊱⋅⊰———

Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда.
Душа рвалась. Кто скажетъ мнѣ, куда?
Съ какой заранѣ избранною цѣлью?
Но всѣ мечты, все буйство первыхъ дней
Съ ихъ радостью все тише, все яснѣй
ъ послѣднему подходятъ новоселью.

Такъ заверша безпутный свой побѣгъ,
Съ нагихъ полей летитъ колючій снѣгъ,
Гонимый ранней, буйною мятелью,
И, на лѣсной остановясь глуши,
Сбирается въ серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

——✧——

M O P E.

БУРЯ.

Свѣжѣетъ вѣтеръ. Меркнетъ ночь,
А море злѣй и злѣй бурлитъ,
И пѣна плещетъ на гранитъ,
То прянетъ, то отхлынетъ прочь.

Все раздражительнѣй бурунъ,
Его шипучая волна
Такъ тяжела и такъ плотна,
Какъ будто въ берегъ бьетъ чугунъ.

Какъ будто богъ морской сейчасъ,
Всесиленъ и неумолимъ,
Трезубцемъ пригрозя своимъ,
Готовъ воскликнуть „вотъ я васъ!"

ПОСЛѢ БУРИ.

Пронеслась гроза сѣдая,
Разлетѣвшись по лазури,
Только дышетъ зыбь морская,
Не опомнится отъ бури.

Спитъ, кидаясь, челнъ убогой,
Какъ больной отъ страшной мысли,
Лишь забытыя тревогой
Складки паруса обвисли.

Освѣженный лѣсъ прибрежный
Весь въ росѣ, не шелохнется, —
Часъ спасенья, яркій, нѣжный
Словно плачетъ и смѣется.

Вчера разстались мы съ тобой;
Я былъ растерзанъ; подо мной
Морская бездна бушевала:
Волна кипѣла за волной
И съ грохотомъ о берегъ мой
Разбившись въ брызги, убѣгала; —

И новыя росли во мглѣ,
Росли и небу и землѣ,
Какимъ-то бѣшенымъ упрекомъ,
Размыть уступы острыхъ плитъ
И вѣчный раздробить гранитъ
Казалось вѣчнымъ ихъ урокомъ.

А нынче, какъ моя душа,
Волна свѣтла, — и, чуть дыша,
Легла у ногъ скалы отвѣсной;
И въ лунный свѣтъ погружена
Въ ней и земля отражена
И задрожалъ весь хоръ небесный.

МОРЕ И ЗВѢЗДЫ.

На море ночное мы оба глядѣли.
Подъ нами скала обрывалася бездной;
Вдали затихавшія волны бѣлѣли,
А съ неба отсталыя тучки летѣли,
И ночь красотой одѣвалася звѣздной.

Любуясь раздольемъ движенья двойнаго,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И съ моря ночнаго и съ неба ночнаго,
Какъ будто изъ дальняго края роднаго,
Цѣлебною силою вѣяло въ душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскорѣ,
По своему каждый, мы оба забыли,
Какъ будто меня убаюкало море,
Какъ будто твое утолилося горе,
Какъ будто бы звѣзды тебя побѣдили.

СНѢГА.

Еще вчера, на солнцѣ млѣя,
Послѣднимъ лѣсъ дрожалъ листомъ,
И озимь, пышно зеленѣя,
Лежала бархатнымъ ковромъ.

Глядя надменно, какъ бывало,
На жертвы холода и сна,
Себѣ ни въ чемъ не измѣняла
Непобѣдимая сосна.

Сегодня вдругъ исчезло лѣто;
Бѣло̀, безжизненно кругомъ,
Земля и небо, — все одѣто
Какимъ-то тусклымъ серебромъ.

Поля безъ стадъ, лѣса унылы,
Ни скудныхъ листьевъ, ни травы.
Не узнаю растущей силы
Въ алмазныхъ призракахъ листвы.

Какъ будто въ сизомъ клубѣ дыма
Изъ царства злаковъ, волей фей,
Перенеслись непостижимо
Мы въ царство горныхъ хрусталей.

Какая грусть! Конецъ аллеи
Опять съ утра изчезъ въ пыли.
Опять серебряныя змѣи
Черезъ сугробы поползли.

На небѣ ни клочка лазури,
Въ степи все гладко, все бѣло,
Одинъ лишь воронъ противъ бури
Крылами машетъ тяжело.

И на душѣ не разсвѣтаетъ
Въ ней тотъ же холодъ, что кругомъ,
Лѣниво дума засыпаетъ
Надъ умирающимъ трудомъ.

А все надежда въ сердцѣ тлѣетъ,
Что можетъ быть, хоть невзначай
Опять душа помолодѣетъ,
Опять родной увидитъ край,

Гдѣ бури пролетаютъ мимо,
Гдѣ дума страстная чиста—
И посвященнымъ только зримо
Цвѣтетъ весна и красота.

У ОКНА.

Къ окну приникнувъ головой,
Я поджидалъ съ тоскою нѣжной,
Чтобъ ты явилась — и съ тобой
Помчаться по равнинѣ снѣжной.

Но въ блескъ сокрылась ты лѣсовъ,
Подъ листья яркія банана,
За серебро пустынныхъ мховъ
И пыль жемчужною фонтана.

Я видѣлъ горный поворотъ,
Гдѣ снѣгъ стопой твоей встревоженъ,
Я разсмотрѣлъ хрустальный гротъ,
Куда мнѣ доступъ невозможенъ.

Вдругъ ты вошла, — я все узналъ,
Смѣхъ на устахъ, въ глазахъ угроза.
О какъ все вѣрно подсказалъ
Мнѣ на стеклѣ узоръ мороза.

BECHA.

Глубь небесъ опять ясна,
Пахнетъ въ воздухѣ весна.
Каждый часъ и каждый мигъ
Приближается женихъ.

Спитъ во гробѣ ледяномъ,
Очарованная сномъ, —
Спитъ, нѣма и холодна,
Вся во власти чаръ она.

Но крылами вешнихъ птицъ
Онъ свѣваетъ снѣгъ съ рѣсницъ,
И изъ стужи мертвыхъ грезъ
Проступаютъ капли слезъ.

Еще, еще! Ахъ сердце слышитъ
Давно призывъ ея родной,
И все, что движется и дышетъ
Задышетъ новою весной.

Ужь травка свѣтитъ съ кочекъ талыхъ,
Плаксивый чибисъ прокричалъ,
Цѣпь снѣговую тучъ отсталыхъ
Сегодня первый громъ порвалъ.

Когда во слѣдъ весеннихъ бурь,
Надъ зацвѣтающей землей
Нѣжнѣй небесная лазурь
И облаковъ воздушенъ рой,

Какъ той порой отрадно мнѣ,
Свергать земли томящій прахъ,
Тонуть въ небесной глубинѣ,
И погасать въ ея огняхъ.

О! какъ мнѣ весело слѣдить
За пышнымъ дымомъ тучъ сквозныхъ;
И радъ я, что не можетъ быть
Ничто вольнѣй и легче ихъ.

Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній.
Ручей бурля бѣжалъ къ ручью,
Воскресшихъ водъ напоръ послѣдній
Побѣду разглашалъ свою.

Ты спалъ. Окно я растворила,
Въ степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Летѣть къ безбрежью, бездорожью,
Черезъ лѣса, черезъ поля,
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Какъ вѣрить перелетной тѣни!
Къ чему мгновенный сей недугъ?
Когда ты здѣсь, мой добрый геній,
Бѣдами искушенный другъ.

Пришла, — и таетъ все вокругъ,
Все жаждетъ жизни отдаваться,
И сердце, плѣнникъ зимнихъ вьюгъ,
Вдругъ разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвѣло
Все, что вчера томилось нѣмо,
И вздохи неба принесло
Изъ растворенныхъ вратъ эдема.

Какъ веселъ мелкихъ тучъ походъ!
И въ торжествѣ неизъяснимомъ
Сквозной деревьевъ хороводъ
Зеленоватымъ пышетъ дымомъ.

Поетъ сверкающій ручей,
И съ неба пѣсня, какъ бывало;
Какъ будто говорится въ ней:
Все, что ковало, миновало.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на мигъ не устыдиться,
Нельзя предъ вѣчной красотой
Не пѣть, не славить, не молиться.

Я радъ, когда съ земнаго лона,
Весенней жаждѣ соприсущъ,
Къ оградѣ каменной балкона
Съ утра кудрявый лезетъ плющъ.

И рядомъ, кустъ родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужекъ молодая
Зоветъ заботливую мать.

Не шевелюсь, не безпокою.
Ужъ не завидую-ль тебѣ?
Вотъ, вотъ она здѣсь подъ рукою
Пищитъ на каменномъ столбѣ.

Я радъ: она не отличаетъ
Меня отъ камня на свѣту,
Трепещетъ крыльями, порхаетъ
И ловитъ мошекъ на лету.

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ
Послѣдняя толпа;
Призрачный ихъ отрѣзокъ мягко таетъ
У луннаго серпа.

Царитъ весны таинственная сила
Съ звѣздами на челѣ. —
Ты нѣжная! Ты счастье мнѣ сулила
На суетной землѣ.

А счастье гдѣ? Не здѣсь въ средѣ убогой,
А вонъ оно какъ дымъ.
За нимъ! за нимъ! воздушною дорогой...
И въ вѣчность улетимъ!

Я ждалъ. Невѣстою царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещетъ багряницей,
И все ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты побѣдила,
О тайнахъ шепчетъ божество,
Цвѣтетъ недавняя могила.
И безсознательная сила
Свое ликуетъ торжество.

МЕЛОДІИ.

Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ; лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостинной безъ огней.
Рояль былъ весь раскрытъ и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ за пѣснію твоей.

Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты одна любовь, что нѣтъ любви иной,
И такъ хотѣлось жить, чтобъ, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой.

И много лѣтъ прошло томительныхъ и скучныхъ,
И вотъ въ тиши ночной твой голосъ слышу вновь,
И вѣетъ какъ тогда во вздохахъ этихъ звучныхъ,
Что ты одна вся жизнь, что ты одна любовь.

Что нѣтъ обидъ судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нѣтъ конца, и цѣли нѣтъ иной,
Какъ только вѣровать въ рыдающіе звуки.
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой.

„Что ты, голубчикъ, задумчивъ сидишь,
Слышишь, не слышишь,—глядишь, не глядишь?
Утро давно, а въ глазахъ у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.“

Точно случилось жемчужную нить
Подлѣ меня тебѣ врозь уронить.
Чудную пѣсню я слышалъ во снѣ,
Нѣсколько словъ до яву мнѣ прожгло.

Эти слова то ищу я опять
Всѣ, какъ звучали онѣ, подобрать.
Вѣрно, ахъ! вѣрно сказала-бъ ты мнѣ,
Въ чемъ этотъ голосъ меня укорялъ.

Въ дымкѣ невидимкѣ
Выплылъ мѣсяцъ вешній,
Цвѣтъ садовый дышетъ
Яблонью, черешней.
Такъ и льнетъ, цѣлуя
Тайно и нескромно.
И тебѣ не грустно?
И тебѣ не томно?

Истерзался пѣсней
Соловей безъ розы:
Плачетъ старый камень,
Въ прудъ роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебѣ не томно?
И тебѣ не больно?

Одна звѣзда межъ всѣми дышетъ
И такъ дрожитъ,
Она лучемъ алмазнымъ пышетъ
И говоритъ:

Не суждено съ тобой намъ дружно
Носить оковъ,
Не ищемъ мы и намъ ненужно
Ни клятвъ, ни словъ.

Не намъ восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорахъ разгадали,
Кто ты, кто я.

Чѣмъ мы горимъ, свѣтить готово
Во тьмѣ ночей.
И счастья ищемъ мы земнаго.
Не у людей.

Истрепалися сосенъ мохнатыя вѣтви отъ бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами;
Ни огня на землѣ, ни звѣзды въ овдовѣвшей лазури,
Все сорвать хочетъ вѣтеръ, все смыть хочетъ
ливень ручьями.

Никого! ничего! Даже сна нѣтъ въ постелѣ холодной.
Только маятникъ грубо-насмѣшливо мѣряетъ время.
Оторвись же отъ тусклой свѣчи ты душею свободной!
Или тянетъ къ землѣ роковое, тяжелое бремя?

О, войди-жь въ этотъ мракъ, улыбнись, благосклон-
ная фея,
И всю жизнь въ этотъ мигъ я солью, этимъ мигомъ
измѣрю,
И рѣчей благовонныхъ созвучіемъ слухъ возлелѣя,
Не признаю часовъ и рыданьямъ ночнымъ не по-
вѣрю.

Солнце нижетъ лучами въ отвѣсъ,
И дрожатъ испареній струи
У окраины яркихъ небесъ;
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ,

Чтобъ въ лице и въ горячую грудь
Хлынулъ вздохъ твой студеной волной,
Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть;
Дай устами и взоромъ прильнуть
У корней мнѣ къ водѣ ключевой.

Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
Потонулъ въ той душистой тѣни,
Что раскинулъ твой пышный навѣсъ;
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣстый лѣсъ.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ,
Травы степныя унизаны влагой вечерней,
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй,
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.

Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ все безпредѣльно,
Крылья растутъ у какихъ то воздушныхъ стрем-
леній,
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни.

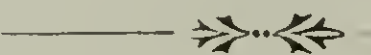
Можно ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ незабыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ.

Забудь меня безумецъ исступленный,
Покоя не губи:
Я создана душей твоей влюбленной,
Ты призракъ не люби.

О вѣрь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеня,
Чѣмъ ближе ты къ мечтѣ своей воздушной,
Тѣмъ дальше отъ меня.

Такъ надъ водой младенецъ, восхищенный
Луной, подъемлетъ крикъ...
Онъ бросился—и съ влаги возмущенной
Исчезъ сребристый ликъ.

Дитя, отри заплаканное око,
Не довѣряй мечтамъ,
Луна плыветъ и свѣтится высоко,
Она не здѣсь, а тамъ.

Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося въ жизни страданьемъ
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови.

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной!
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой.—
Доброю няней прильнувъ къ изголовью.
Старая пѣсня, звучи надо мной.

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей разцвѣтетъ,
Можетъ быть сердце утихнетъ больное,
И какъ дитя въъ колыбели уснетъ.

Какъ ясность безоблачной ночи,
Какъ юно—нетлѣнныя звѣзды,
Твои загораются очи
Всесильнымъ, таинственнымъ счастьемъ.

И все, что лучемъ ихъ случайнымъ
Далеко иль близко объято,
Блаженствомъ овѣяно тайнымъ
И люди, и звѣри, и скалы.

Лишь мнѣ, молодая царица!
Ни счастія нѣтъ, ни покоя,
И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня.

ROMANZERO.

I.

Знаю зачѣмъ ты, ребенокъ больной,
Такъ неотступно все смотришь за мной;
Знаю съ чего на большіе глаза
Изъ подъ рѣсницъ наплываетъ слеза.

Тамъ у васъ душно, тамъ жаркая грудь
Разу не можетъ прохладой дохнуть;
Да, нагоняя на слабаго страхъ,
Плаваетъ коршунъ на темныхъ кругахъ.

Только вотъ здѣсь, средь завѣтныхъ цвѣтовъ,
Тѣнь распростерла таинственный кровъ,
Только въ сердечкѣ поникнувшихъ розъ
Капли застыли младенческихъ слезъ.

II

Встрѣчу-ль яркую въ небѣ зарю,
Ей про тайну свою говорю,
Подойду-ли къ лѣсному ключу
И ему я про тайну шепчу.

А какъ звѣзды въ ночи задрожатъ,
Я всю ночь имъ разсказывать радъ;
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что, ничего не скажу.

III.

Въ страданьи блаженства стою предъ тобою
И смотритъ мнѣ въ очи душа молодая,
Стою я овѣянный жизнью иною,
Я съ рѣчью не здѣшней, я съ вѣстью изъ рая.

Слетѣлъ этотъ мигъ не земной, не случайной,
Надъ нимъ такъ безсильны житейскія грозы,
Но вѣчной уснетъ онъ сердечною тайной,
Какъ вижу тебя я сквозь яркія слезы.

И въ трепетѣ сердце и трепетны руки,
Въ восторгѣ склоняюсь предъ чуждою властью
И мукой блаженства исполнены звуки,
Въ которыхъ сказаться такъ хочется счастью.

IV.

Вчерашній вечеръ помню живо.
Синѣли глубью небеса,
Листъ трепеталъ, краснорѣчиво
Глядѣли звѣзды намъ въ глаза.

Свѣтились зори издалека,
Фонтанъ сверкалъ такъ горячо.
И млечный путь бѣжалъ широко
И звалъ: смотри! еще! еще!

Сегодня все вокругъ заснуло.
Какъ дымкой твердь заволокло,
И въ полумракѣ затонуло
Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана.
Меня не давитъ мракъ лѣсной.
Я слышу плескъ живой фонтана
И чую звѣзды надъ собой.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГОРЯЧІЙ КЛЮЧЪ.

Помнишь тотъ горячій ключъ,
Какъ онъ чистъ былъ и бѣгучъ,
Какъ дрожалъ въ немъ солнца лучъ
И качался:
Какъ пестрѣлъ сосѣдній боръ,
Какъ бѣлѣли выси горъ,
Какъ тепло въ немъ звѣздный хоръ
Повторялся.

Обмелѣлъ онъ и остылъ,
Словно въ землю уходилъ,
Оставляя слѣдомъ илъ
Блѣдно красный.
Долго, долго я алкалъ,
Жилу жаркую межъ скалъ
Съ тайной ревностью искалъ,
Но напрасной.

Вдругъ, въ горахъ промчался громъ,
Потряслась земля кругомъ,
Я бѣжалъ, покинувъ домъ
Мнѣ грозящій;—

Оглянулся,—чудный видъ:
Старый ключъ прошибъ гранитъ,
И надъ бездною виситъ,
    Весь кипящій.

Отчего со всѣми я любезна,
Только съ нимъ насъ раздѣляетъ бездна?
Отчего съ нимъ, хоть его бѣгу я,
Не встрѣчаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свѣтъ возненавижу?
Отчего, какъ съ нимъ должна остаться,
Такъ и рвусь надъ нимъ же издѣваться?
Отчего, кто разрѣшитъ задачу?
До зари потомъ всю ночь проплачу.

ОСЕНЬЮ.

Когда сквозная паутина
Разноситъ нити ясныхъ дней,
И подъ окномъ у селянина
Далекій благовѣстъ слышнѣй,

Мы не грустимъ, пугаясь снова
Дыханья близкаго зимы,
А голосъ лѣта прожитаго
Яснѣе понимаемъ мы.

Въ душѣ измученной годами
Есть неприступный чистый храмъ,
Гдѣ все нетлѣнно, что судьбами
Въ отраду посылалось намъ.

Для міра путь къ нему заглохнетъ;
Но въ этотъ дѣвственный тайникъ,
Хотя бъ и могъ, скорѣй изсохнетъ,
Чѣмъ путь укажетъ мой языкъ.

Скажи же! какъ, при первой встрѣчѣ
Успокоительно свѣтла,
Вчера, о какъ оно далече!
Живая ты въ него вошла?

И вотъ отнынѣ поневолѣ
Въ блаженной памяти моей
Одной улыбкой нѣжной болѣ,
Одной звѣздой любви свѣтлѣй.

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ.

Все тучки, тучки, а кругомъ
Все сожжено, все умираетъ;
Какой архангелъ ихъ крыломъ
Ко мнѣ на нивы навѣваетъ!

Повиснулъ дождь, какъ легкій дымъ,
Напрасно степь кругомъ алкала,
И надо мною лишь однимъ
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущійся поэтъ!
Съ небесъ нисходитъ жизни влага.—
Чего ты ждешь, того и нѣтъ,
Лишь не заслуженное—благо.

Я, ничего я не могу,
Одинъ лишь можетъ, кто могучій
Воздвигъ прозрачную дугу,
И живоносныя шлетъ тучи.

КЛЮЧЪ.

Межь селеньемъ и рощей нагорной
Вьется свѣтлою лентой рѣка,
А на храмѣ надъ озимью черной
Яркій крестъ поднялся въ облака.

И толпой голосистой и жадной
Все къ зарѣ набѣжитъ со степей,
Точно вѣсть надъ волною прохладной,
Пронеслась; освѣжись и испей!

Но въ шумящей толпѣ ни единой
Не присмотрится къ кущамъ деревъ.
И не слышенъ имъ зовъ соловьиной
Въ ревѣ стадъ и плесканьи вальковъ.

Лишь одинъ въ часъ вечерній, завѣтной,
Я къ журчащему сладко ключу,
По тропинкѣ лѣсной, незамѣтной
Путь обычный во мракѣ сыщу.

Дорожа соловьинымъ покоемъ,
Я ночнаго пѣвца не спугну,
И устами, спаленными зноемъ,
Къ освѣжительной влагѣ прильну.

Чѣмъ безнадежнѣе и строже
Года разъединяютъ насъ,
Тѣмъ сердцу моему дороже,
Дитя! съ тобой крылатый часъ.

Я лѣтъ не чувствую суровыхъ,
Когда въ глаза ко мнѣ порой
Изъ подъ рѣсницъ твоихъ шелковыхъ
Заглянетъ ангелъ голубой.

Не въ силахъ ревности мятежность
Я побѣдить и скрыть печаль,—
Мнѣ эту дѣвственную нѣжность
Въ глазахъ толпы оставить жаль.

Я знаю, жизнь не дастъ отвѣта
Твоимъ несбыточнымъ мечтамъ,
И лишь одна душа поэта
Ихъ вѣчно празднующій храмъ.

СОНЕТЪ.

Когда отъ хмѣлю преступленій
Толпа развратная буйна,
И радъ влачить въ грязи злой геній
Мужей великихъ имена,

Мои сгибаются колѣни
И голова преклонена,
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письмена.

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны ѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать;

И забывая гулъ народный,
Ввѣряясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

Толпа тѣснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая, складками бѣгущій съ плечъ, атласъ.
Я знаю: „завтра“ ты невнятно прошептала;
Потомъ ты вспыхнула и скрылася изъ глазъ.

А онъ? Съ усиліемъ сложилъ онъ на крестъ руки,
Стараясь подавить восторгъ въ груди своей,
И часа поздняго пророческіе звуки
Смѣшались съ топотомъ помчавшихся коней.

Казались безъ конца тебѣ часы ночные;
Ты не смежила вѣждъ горячихъ на покой,
И сильфы рѣзвые и феи молодыя
Все „завтра“ до зари шептали надъ тобой.

Встаетъ мой день какъ труженникъ убогой
И свѣтитъ мнѣ безъ силы и огня,
И я бреду съ заботой и тревогой.

Мы думой врозь,—тебѣ не до меня.
Но вотъ луна прокралася изъ саду,
И гаситъ ночь въ рукѣ дрожащей дня

Своимъ дыханьемъ яркую лампаду.
Таинственнымъ окружена огнемъ,
Сама идешь ты мнѣ принесть отраду.

Забыто все, что угнетало днемъ;
И полные слезами умиленья,
Мы объ руку блаженные идемъ,

И тѣни нѣтъ тяжелаго сомнѣнья.

Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь,
Въ душѣ разсвѣтъ нѣмой и тайной силы!
О! окрыли, и дай мнѣ превозмочь
Весь этотъ тлѣнъ бездушный и унылый.

Какая ночь! алмазная роса
Живымъ огнемъ съ огнями неба въ спорѣ.
Какъ океанъ разверзлись небеса,
И спитъ земля и теплится какъ море.

Мой духъ, о ночь! какъ падшій Серафимъ
Призналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной,
И, окрыленъ дыханіемъ твоимъ,
Готовъ летѣть надъ этой тайной бездной.

Блескомъ вечернимъ овѣяны горы.
Сырость и мгла набѣгаютъ въ долину,
Съ тайной мольбою подъемлю я взоры,
Скоро-ли холодъ и сумракъ покину.

Вижу на томъ я уступѣ румяномъ
Сдвинуты кровель уютныя гнѣзды;
Вонъ засвѣтились подъ старымъ каштаномъ
Милыя окна, какъ вѣрныя звѣзды.

Ктожъ меня въ тайнѣ пугаетъ обманомъ:
Сердцемъ какъ прежде ты чистъ ли и молодъ,
Что если тамъ въ этомъ мірѣ румяномъ
Снова охватитъ и сумракъ и холодъ?

Кому вѣнецъ: богинѣ-ль красоты,
Иль въ зеркалѣ ея изображенью?
Поэтъ смущенъ, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой другъ, а Божій міръ богатъ,
Въ пылинкѣ онъ лелѣетъ жизнь и множитъ
И что одинъ твой выражаетъ взглядъ,
Того поэтъ пересказать не можетъ.

Напрасно,
Куда ни взгляну я встрѣчаю вездѣ неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ всечасно;
Тебѣ улыбаюсь, а внутренно горько я плачу,
Напрасно.

Разлука!
Душа человѣка какія выноситъ мученья!
А часто на нихъ намекнуть лишь достаточно звука.
Стою какъ безумный, еще не постигъ выраженья:
Разлука.

Свиданье!
Разбей этотъ кубокъ: въ немъ капля надежды таится.
Она то продлитъ и она то усилитъ страданье,
И въ жизни туманной все будетъ обманчиво сниться,
Свиданье.

Не нами,
Безсилье извѣдано словъ къ выраженью желаній.
Безмолвныя муки сказалися людямъ вѣками,
Но очередь наша, и кончится рядъ испытаній
Не нами.

Но больно,
Что жребіи жизни святымъ побужденьямъ враждебны;
Въ груди человѣка до нихъ бы добраться довольно,
Нѣтъ! Вырвать и бросить; тѣ язвы быть можетъ цѣлебны,
Но больно.

КУПАЛЬЩИЦА.

Игривый плескъ въ рѣкѣ меня остановилъ.
Сквозь вѣтви темныя узналъ я надъ водою
Ея веселый ликъ;—онъ двигался, онъ плылъ—
Я голову призналъ съ тяжелою косою.

Узналъ я и нарядъ, взглянувъ на бѣлый хрящъ,
И превратился весь въ смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвавъ кристальный плащъ,
Вдавила въ гладь песка младенческую ногу.

Она предстала мнѣ на мигъ во всей красѣ,
Вся дрожью легкою объята и пугливой,
Такъ пышутъ холодомъ на утренней зарѣ
Упругіе листы у лиліи стыдливой.

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебныхъ сновидѣній
И, юностью сіяя заревой,
Ждешь отъ меня похвалъ и пѣснопѣній.

Какъ ярко ты и нѣжно ни гори
Надъ каменнымъ, угаснувшимъ мемнономъ,
На яркія привѣтствія зари
Онъ отвѣчать способенъ только стономъ.

РОЗА.

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенѣли,
Что весна опять пришла.
Гнется въ зелени береза,
И тебѣ, царица роза,
Брачный гимнъ поетъ пчела.

Вижу, вижу! счастья сила
Яркій свитокъ твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Міръ любви передо мной.

Еслибъ движущій громами
Повелѣлъ между цвѣтами
Цвѣсть нѣжнѣйшей изъ богинь,
Чтобъ безмолвною красою
Звать къ любви,—когда весною
Теменъ лѣсъ и воздухъ синь.

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятавъ въ сердцѣ тайны неба
И съ безмолвьемъ на челѣ,
Въ часъ блаженный разцвѣтанья,
Больше страстнаго признанья
Не повѣдали-бъ землѣ.

ТОПОЛЬ.

Сады молчать. Унылыми глазами
Съ уныніемъ въ душѣ гляжу вокругъ;
Послѣдній листъ разметанъ подъ ногами,
Послѣдній лучеразный день потухъ.

Лишь ты одинъ надъ мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недугъ,
И трепеща по прежнему листами,
О вешнихъ дняхъ лепечешь мнѣ какъ другъ.

Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни за днями,
И осени тлетворный вѣетъ духъ;
Съ подъятыми ты къ небесамъ вѣтвями,
Стоишь одинъ и помнишь теплый югъ.

Только встрѣчу улыбку твою,
Или взглядъ уловлю твой отрадной,
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной.

Про пѣвца по зарямъ говорятъ,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно онъ радъ,
Надъ душистой ея колыбелью.

Но безмолвствуетъ пышно чиста
Молодая владычица сада:
Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ же и пѣсенъ не надо.

Ты видишь, за спиной косцовъ
Сверкнули косы блескомъ чистымъ,
И поздній паръ отъ ихъ котловъ
Упитанъ ужиномъ душистымъ.

Лиловымъ дымомъ даль поя,
Въ сіяньи тонетъ дня свѣтило,
И набѣжавшихъ тучъ края
Стекломъ горючимъ окаймило.

Уже подрѣзанъ, каждый рядъ
Цвѣтовъ лежитъ пахучей цѣпью,
Какая тѣнь и ароматъ
Плывутъ надъ меркнущею степью!

Въ душѣ смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной,
И до огней зари восточной
Подъ звѣзднымъ пологомъ усни.

ПСЕВДО—ПОЭТУ.

Молчи, поникни головою,
Какъ бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ.

На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣпца
Цѣннѣй грошевый твой разсудокъ
Безумной прихоти пѣвца.

Тамъ сбытъ малеванному хламу,
На этой затхлой площади,
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ, не подходи.

Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: *свобода*
Ни разу сердцемъ не постигъ;

Не возносился богомольно
Ты въ ту свѣжѣющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ, да орлу.

Съ какой я нѣгою желанья
Одной звѣзды искалъ въ ночи,
Какъ я любилъ ея мерцанье,
Ея алмазные лучи.

Хоть на зарѣ, хотя мгновенно,
Средь набѣжавшихъ тучъ видна,
Она такъ ясно, такъ нетлѣнно
На небѣ теплилась одна.

Любовь, участіе, забота
Моимъ очамъ дрожали въ ней,
Въ степи съ рѣчнаго поворота,
Съ ночнаго зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлетъ мнѣ лучъ ея нигдѣ,
Какъ у корней плакучей ивы,
Въ твоемъ саду, въ твоемъ прудѣ.

Я уѣзжаю. Замираетъ
Въ устахъ обычное: прости.
Куда судьба меня кидаетъ?
Куда мнѣ грусть мою нести?

Молчу. Ко мнѣ всегда жестокой
Была ты много, много лѣтъ;
Но можетъ быть въ странѣ далекой
Я вдругъ услышу твой привѣтъ.

Въ долинѣ, иногда прощаясь,
Крутой минувши поворотъ,
Напрасно странникъ, озираясь,
Другаго голосомъ зоветъ.

Но смерклось. Надъ стѣною черной
Горятъ извивы облаковъ,
И тамъ внизу съ тропы нагорной
Ему прощальный слышенъ зовъ.

Не избѣгай; я не молю
Ни слезъ, ни сердца тайной боли,
Своей тоскѣ хочу я воли; —
И повторять тебѣ: люблю.

Хочу нестись къ тебѣ, летѣть,
Какъ волны по равнинѣ водной,
Поцѣловать гранитъ холодной,
Поцѣловать и умереть.

Въ благословенный день, когда стремлюсь душею
Въ блаженный міръ любви, добра и красоты,
Воспоминаніе выноситъ предо мною
Нерукотворныя черты.

Предъ тѣнью милою колѣно-преклоненный,
Въ слезахъ молитвенныхъ я сердцемъ оживу;
И вновь затрепещу тобою просвѣтленный.
Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда-жь окончится земное бытіе,
Мнѣ ангель кротости и грусти отзовется
На имя нѣжное твое.

Въ душѣ измученной годами
Есть непреступный чистый храмъ,
Гдѣ все нетлѣнно, что судьбами
Въ отраду посылалось намъ.

Для міра путь къ нему заглохнетъ.—
Но въ этотъ дѣвственный тайникъ,
Хотя-бъ и могъ,—скорѣй изсохнетъ,
Чѣмъ путь укажетъ мой языкъ.

Скажи же! Какъ, при первой встрѣчѣ
Успокоительна свѣтла,
Вчера—о! Какъ оно далече!
Живая ты въ него вошла?

И вотъ отнынѣ поневолѣ
Въ блаженной памяти моей
Одной улыбкой нѣжной болѣ,
Одной звѣздой любви свѣтлѣй

ПОСЛАНІЯ.

А. Ѳ. БРЖЕСКОМУ.

Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ,
Кто безъ отравы чашу пилъ?
Отъ всѣхъ подонковъ возмущенныхъ
Языкъ мой горечь сохранилъ.

И та, чей нѣжный зовъ участья
Съ земли мечты мои вознесъ,
Мнѣ подавая кубокъ счастья,
Въ него роняла капли слезъ.

Къ чему по прихоти мгновенной
Тревожить мертвыхъ сонъ святой!
До дна тотъ кубокъ вдохновенный
Скупой отравленъ былъ судьбой.

Лишь ты одинъ, ты не скупился,
По сердцу братъ мой, Алексѣй,
Коль чашей счастья ты дѣлился,
Дѣлился чистой, полной, всей.

Вотъ почему за юность нашу
Хваля харитъ, я не грѣшу,
И дружбы общую намъ чашу
Къ устамъ съ восторгомъ подношу.

А. Л. Б—ОЙ.

Далекій другъ, пойми мои рыданья,
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ.
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья
И дорожить тобой я не отвыкъ.

Кто скажетъ намъ, что жить мы неумѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ нежертвовали мы?

Гдѣ жъ это все? Еще душа пылаетъ,
По прежнему готова миръ объять.
Напрасный жаръ. Никто не отвѣчаетъ;
Воскреснутъ звуки, и замрутъ опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ.
Въ ланитахъ кровь и въ сердце вдохновенье.—
Прочь этотъ сонъ,—въ немъ слишкомъ много слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ,
И въ ночь идетъ, и плачетъ уходя.

ЕЙ ЖЕ.

Опять весна! Опять дрожать листы
Съ концовъ березъ и на макушкѣ ивы.
Опять весна! опять твои черты,
Опять мои воспоминанья живы

Весна! весна! о какъ она крѣпитъ,
Какъ жизненной насъ учитъ вѣрить силѣ.
Пускай нашъ добрый, лучшій другъ нашъ спитъ
Въ своей цвѣтами убранной могилѣ.

Онъ говоритъ: „пріободрись и ты:
Нельзя больной лелѣять два недуга“:
Когда къ нему ты понесешь цвѣты,
Снеси ему сочувствіе отъ друга

Минувшаго нельзя намъ воротить,
Грядущему нельзя не довѣряться,
Хоть смерть въ виду, а все же нужно жить;
А слово жить—вѣдь значитъ покоряться.

ГР. Л. Н. Т—У.

Какъ ястребу, который просидѣлъ
На жердочкѣ суконной зиму въ клѣткѣ,
Питаяся настрѣленною птицей,
Весной охотникъ голубя несетъ
Съ надломленнымъ крыломъ; и, оглядѣвъ
Живую птицу, старый ловчій щуритъ
Зрачекъ прилежный, поджимаетъ перья,
И вдругъ нежданно, быстро какъ стрѣла
Вонзается въ трепещущую жертву,
Кривымъ и острымъ клювомъ ей взрѣзаетъ
Мгновенно грудь, и, весло раскинувъ
На воздухъ перья, съ алчностью забытой
Рветъ и глотаетъ трепетное мясо,
Такъ бросилъ мнѣ кавказскія ты пѣсни,
Въ которыхъ бьется и кипитъ та кровь,
Что мы зовемъ поэзіей.—Спасибо,
Полакомилъ ты стараго ловца.

ГР. А. К. Т—У.

въ деревнѣ Пустынькѣ.

Въ твоей Пустынькѣ подгородной,
У хлѣбосольства за столомъ,
Поклонникъ музы благородный,
Каменъ мы русскихъ помянемъ.

Почтимъ святое ихъ наслѣдство,
И не забудемъ до конца,
Какъ на призывъ ихъ съ малолѣтства
Дрожали счастьемъ въ насъ сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонитъ площадная,
Царицу мысли и труда;

Да не смутитъ души поэта
Гоненье на стыдливыхъ музъ,
И пусть въ тѣни, вдали отъ свѣта,
Свободнѣй зрѣетъ ихъ союзъ.

Федору Ивановичу
ТЮТЧЕВУ.

Мой обожаемый поэтъ,
Къ тебѣ я съ просьбой и съ поклономъ.
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ.
Что нарисованъ Аполлономъ.

Давно мечты твоей полетъ
Меня увлекъ волшебной силой.
Давно въ груди моей живетъ
Твое чело, твой обликъ милой.

Твоей Каменѣ,—повторять
Прося стихи—я докучаю,
А все завѣтную тетрадь
Изъ жадныхъ рукъ не выпускаю.

Поклонникъ вѣчной красоты,
Давно смиренный предъ судьбою,
Я одного прошу, чтобъ ты
Во всѣхъ былъ видахъ предо мною

Вотъ почему спѣшу,—поэтъ!
Къ тебѣ я съ просьбой и поклономъ,
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что нарисованъ Аполлономъ.

ЕМУ ЖЕ.

Прошла весна,—темнѣетъ лѣсъ,
Скуднѣй ручьи, грустнѣе ивы.
И солнце съ высоты небесъ
Томитъ безвѣтряныя нивы.

На плугъ знакомый налегли
Всѣ, кѣмъ владѣетъ трудъ упорный.
Опять сухую грудь земли
Взрѣзаетъ конь и волъ покорный;

Но въ свѣжемъ тайникѣ куста
Одинъ пѣвецъ проснулся вешній,
И также пѣснь его чиста
И дышетъ полночью нездѣшней.

Какъ сладко труженикъ смущенъ,
Весны заслыша зовъ единой,
Какъ улыбнулся онъ сквозь сонъ
Подъ яркій посвистъ соловьиной.

С. П. Х—О.

Я опоздалъ—и какъ жалѣю,
Ужь солнце скрылося въ ночи.
Я не видалъ, когда въ аллею
Оно кидало намъ лучи.

Но силу лѣтняго сіянья
Не всю умчалъ минувшій день,
Его отраднаго прощанья
Не погасила ночи тѣнь.

Еще предъ дымкою туманной
Какъ очарованный стою,
Еще въ зарѣ благоуханной
Дыханье неба узнаю.

ГР. С. А. Т—ОЙ.

Когда такъ нѣжно расточала
Кругомъ привѣты взоровъ ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальныя мечты.

И вотъ исполненъ обаянья
Передъ тобою, здѣсь въ глуши,
Я понялъ, свѣтлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза,
Я просвѣтлѣть готовъ опять
И за тебя, звѣзда и роза,
Закатъ любви благословлять.

Хоть меркнетъ жизнь моя безслѣдно,
Но образъ твой со мной вездѣ,
Такъ свѣтятъ звѣзды всепобѣдно
На темномъ небѣ, и въ водѣ.

ВЪ АЛЬБОМЪ К—У.

Тому что было не бывать.
Иные сны, иное племя;
Зачѣмъ же риѳмы призывать?
Какъ будто прежнее то время.

Волшебныхъ грезъ разсѣянъ рой,
А въ грусти стыдно признаваться,
Ужель остывшею слезой,
Еще послѣдней расписаться?

ПЕРЕВОДЫ.

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ.

Вотъ съ избушкой я прощаюсь,
Гдѣ любовь моя живетъ,
И безшумно пробираюсь
Подъ лѣсной, полночный сводъ.

Лунный лучь дробясь, мерцаетъ
Межъ дубами, по кустамъ,
И береза возсылаетъ
Къ небу сладкій ѳиміамъ

Какъ живительна прохлада
Этой ночи, здѣсь въ тиши,
Какъ цѣлебна тутъ отрада
Человѣческой души.

Эта ночь томитъ, врачуя,
Но и тысячъ равныхъ ей
Не смѣняю на одну я
Милой дѣвушки моей.

НОЧНАЯ ПѢСНЯ ПУТНИКА.

Ты, что съ неба, и вполнѣ
Всѣ страданья укрощаешь,
И несчастнаго вдвойнѣ
Вдвое счастьемъ наполняешь!

Ахъ! къ чему вся скорбь и радость,—
Истомилъ меня мой путь;
Мира сладость
Низойди въ больную грудь.

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Когда стародавній
Святой отецъ,
Рукой спокойной,
Изъ тучъ гремящихъ,
Молніи сѣетъ
Въ алчную землю.—
Край его ризы
Нижній цѣлую,
Съ трепетомъ дѣтскимъ
Въ вѣрной груди.

Ибо съ богами
Мѣряться смертный
Да не дерзнетъ.
Если подымется онъ и коснется
Теменемъ звѣздъ,
Негдѣ тогда опереться
Шаткимъ подошвамъ,
И имъ играютъ
Тучи и вѣтры;

Если жъ стоитъ онъ
Костью дебелой
На крѣпко-зданной
Прочной землѣ,
То не сравняться
Даже и съ дубомъ,
Или съ лозою
Ростомъ ему.

Чѣмъ отличаются
Боги отъ смертныхъ?
Тѣмъ, что отъ первыхъ
Волны исходятъ,
Вѣчный потокъ:
Волна насъ подъемлетъ,
Волна поглощаетъ,
И тонемъ мы.

Жизнь нашу объемлетъ
Кольцо небольшое,
И рядъ поколѣній
Связуетъ надежно
Ихъ собственной жизни
Цѣпь безъ конца.

БЕРТРАНЪ ДЕ БОРНЪ.

На утесѣ тамъ дымится
Аутафортъ сложенъ во прахъ,
И предъ ставкой королевской
Властелинъ его въ цѣпяхъ.
Ты ли, что мечемъ и пѣсней
Поднялъ бунтъ на всѣхъ концахъ?
Что къ отцу непослушанье
У дѣтей вселилъ въ сердцахъ?

Тотъ ли здѣсь, что выхвалялся,
Не стыдяся ни кого,
Что ему и половины
Хватитъ духа своего?
Если мало половины,
Призови его всего,
Замокъ твой отстроитъ снова,
Снять оковы съ самого.

Мой король и повелитель,
Предъ тобой Бертранъ де Борнъ,
Что возжегъ единой пѣснью
Перигордъ и Вертадорнъ.

Что у мощнаго владыки
Былъ въ глазу колючій тернъ,
Тотъ, изъ за кого гнѣвъ отчій
Короля пылалъ какъ горнъ.

Дочь твоя сидѣла въ залѣ,
Съ ней былъ герцогъ обрученъ,
И гонецъ мой спѣлъ ей пѣсню,
Мною пѣснѣ обученъ;
Спѣлъ, какъ сердце въ ней гордилось,
Что пѣвецъ въ нее влюбленъ,
И уборъ невѣсты пышный
Весь слезами сталъ смоченъ.

Въ бой твой лучшій сынъ воспрянулъ,
Кинувъ долю безъ заботъ,
Какъ моихъ воинскихъ пѣсенъ
Громъ донесъ къ нему народъ.
На коня онъ сѣлъ поспѣшно,
Самъ я знамя несъ впередъ.
Тутъ стрѣлою онъ пронзенный
У Монфортскихъ палъ воротъ!

На рукахъ моихъ онъ бѣдный,
Окровавленный лежалъ,
Не отъ боли,—отъ проклятья
Онъ отцовскаго дрожалъ.

Вдаль къ тебѣ, онъ тщетно руку
На прощанье простиралъ,
Но твоей не повстрѣчавши,
Онъ мою еще пожалъ.

Тутъ, какъ Аутафортъ мой, горе
Надломило силача:
Ни вполнѣ, ни въ половину
Ни струны, и ни меча:
Лишь разслабленнаго духомъ
Ты сразилъ меня съ плеча.
Для одной лишь пѣсни скорби
Онъ поднялся сгоряча.

И король челомъ поникнулъ:
Сына мнѣ ты возмутилъ,
Сердце дочери плѣнилъ ты—
И мое ты побѣдилъ.
Дай же руку, другъ сыновній,
За него, тебя простилъ,
Прочь оковы!—Твоего же
Духа вздохъ я ощутилъ.

Ты вся въ жемчугахъ и въ алмазахъ,
Вся жизнь для тебя—благодать,
И очи твои такъ прелестны.
Чего жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Къ твоимъ очамъ прелестнымъ
Я создалъ цѣлую рать,
Безсмертіемъ дышащихъ, пѣсенъ,
Чего жь тебѣ, другъ мой, желать?

Очамъ твоимъ прелестнымъ
Дано меня было терзать;
И ты меня ими сгубила,
Чего жь тебѣ, другъ мой, желать?

Дитя, мы дѣтьми еще были,
Веселою парой дѣтей;
Мы лазили вмѣстѣ въ курятникъ,
Къ соломѣ, и прятались въ ней.

Поемъ пѣтухами бывало,
И только, что люди идутъ—
Кукуреку!—имъ сдается,
Что то пѣтухи такъ поютъ.

На нашемъ дворѣ ухитрились
Мы ящики пышно убрать.
Въ нихъ жили мы вмѣстѣ, стараясь
Достойно гостей принимать.

Сосѣдская старая кошка
Не рѣдко бывала у насъ,
Мы кланялись ей, присѣдая,
Твердя комплименты подъ часъ.

Спѣшили ее о здоровьи
Съ любезнымъ участьемъ спросить,
Съ тѣхъ поръ приходилось все тоже
Не разъ старой кошкѣ твердить.

Мы чинно сидѣли, толкуя
Какъ старые люди тогда,
И такъ сожалѣли, что лучше
Все въ наши бывало года,

Что вѣры, съ любовью и дружбой
Не знаетъ теперешній свѣтъ,
Что кофе такъ дорогъ ужасно,
А денегъ почти что и нѣтъ.

Промчалися дѣтскія игры,
И все пронеслось имъ во слѣдъ,
И вѣра съ любовью и дружбой,
И деньги, и время и свѣтъ.

БОГИ ГРЕЦІИ.

Какъ еще вы правили вселенной,
И забавъ на легкихъ помочахъ
Свой народъ водили вожделѣнной,
Чада сказокъ въ творческихъ ночахъ,
Ахъ! пока служили вамъ открыто,
Былъ и смыслъ иной у бытія,
Какъ вѣнчали храмъ твой, Афродита,
Ликъ твой, Аматузія!

Какъ еще покровъ свой вдохновенье
Налагало правдѣ на чело,
Жизнь полнѣй текла чрезъ все творенье;
Что и жить не можетъ, все жило.
Цѣлый міръ возвышенъ былъ уборомъ,
Чтобъ прижать къ груди любой предметъ;
Открывало посвященнымъ взорамъ
Все боговъ завѣтный слѣдъ.

Гдѣ теперь, какъ намъ твердятъ сторицей,
Пышетъ шаръ, вращаясь безъ души,
Правилъ тамъ златою колесницей
Геліосъ въ торжественной тиши.

Здѣсь навысяхъ жили Ореады.
Безъ Дріадъ ни рощи, ни лѣсовъ,
И изъ урны радостной наяды
Пѣна прядала ручьевъ.

Этотъ лавръ стыдливость дѣвы прячетъ,
Дочь Тантала въ камнѣ тамъ молчитъ,
Въ тростникѣ вотъ здѣсь Сиринкса плачетъ,
Филомела въ рощѣ той грустить.
Въ тотъ потокъ какъ много слезъ, Церера,
Ты о Персефонѣ пролила,
А съ того холма вотще Цитера
Друга нѣжнаго звала.

Къ порожденнымъ отъ Девкаліона
Нисходилъ весь сонмъ небесный самъ:
Посохъ взявъ, пришелъ твой сынъ, Латона.
Къ пирринымъ прекраснымъ дочерямъ.
Между смертнымъ, богомъ и героемъ
Самъ Эротъ союзы закрѣплялъ,
Смертный рядомъ съ богомъ и героемъ
Въ Аматуитѣ умолялъ.

Строгій чинъ съ печальнымъ воздержаньемъ
Были чужды жертвенному дню,
Счастье было общимъ достояньемъ,
И счастливецъ къ вамъ вступалъ въ родню.

Было лишь прекрасное священно,
Наслажденья не стыдился богъ,
Коль улыбку скромную Камены
Иль Хариты вызвать могъ.

Свѣтлый храмъ не вѣдалъ стѣнъ несносныхъ,
Въ славу вамъ герой искалъ мѣты
На Истмійскихъ играхъ вѣнценосныхъ,
И гремѣли колесницъ четы.
Хороводы въ пляскѣ безупрёчной
Вкругъ вились уборныхъ алтарей,
На вискахъ у васъ вѣнокъ цвѣточный,
Подъ вѣнцами шелкъ кудрей.

Тирсоносцевъ радостныхъ эвое,
Тамъ гдѣ тигровъ пышно запрягли,
Возвѣщало о младомъ героѣ,
И Сатиръ и фавнъ шатаясь шли.
Предъ царемъ неистово менады
Прославлять летятъ его вино,
И зовутъ его живые взляды,
Осушать у кружки дно.

Не костякъ ужасный, въ часъ томленій
Подступалъ къ одру, а уносилъ
Поцѣлуй послѣдній вздохъ, и геній,
Наклоняя, факелъ свой гасилъ.

Даже въ Оркѣ судіей правдивымъ
Возсѣдалъ съ вѣсами смертной внукъ;
Внесъ Ѳракіецъ пѣснью сиротливой
До Иринній грустный звукъ.

Въ Елисей, къ ликующему кругу
Тѣнь слетала землю помянуть,
Обрѣтала вѣрность вновь подругу,
И возница находилъ свой путь.
Для Линоса лира вновь отрада,
Предъ Алцестой дорогой Адметъ,
Узнаетъ Орестъ опять Пилада,
Стрѣлы друга Филоктетъ.

Ждалъ борецъ высокаго удѣла
На тяжеломъ доблестномъ пути;
Совершитель дѣлъ великихъ смѣло
До боговъ высокихъ могъ дойти.
Сами боги преклонясь, смолкаютъ
Предъ зовущимъ къ жизни мертвецовъ,
И надъ кормчимъ свѣточи мерцаютъ
Олимпійскихъ близнецовъ.

Свѣтлый міръ, о гдѣ ты? Какъ чудесенъ
Былъ природы радостный разцвѣтъ.
Ахъ! въ странѣ одной волшебныхъ пѣсенъ
Не утраченъ сказочный твой слѣдъ.

Загрустя повымерли долины,
Взоръ нигдѣ не встрѣтитъ божества.
Ахъ! отъ той живительной картины
Только тѣнь видна едва.

Всѣхъ цвѣтовъ душистыхъ строй великой
Злымъ дыханьемъ сѣвера снесенъ;
Чтобъ одинъ возвысился владыкой,
Міръ боговъ на гибель осужденъ.
Я ищу по небу грусти полный,
Но тебя, Селена, нѣтъ, какъ нѣтъ.
Оглашаю рощи, кличу въ волны,
Безотвѣтенъ мой привѣтъ.

Безъ сознанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,
Надъ собой вождя не сознавая,
Не дѣля восторга моего,
Безъ любви къ виновнику творенья,
Какъ часы, не оживленъ и сиръ,
Рабски лишь закону тяготѣнья
Обезбоженъ-служитъ міръ.

Чтобъ плодомъ на завтра разрѣшиться,
Рыть могилу нынче суждено,
Самъ собой въ ущербъ и въ ширь крутится
Мѣсяцъ все на тожь веретено.

Праздно въ міръ искусства скрылись боги,
Безполезны для вселенной той,
Что, у нихъ не требуя подмоги,
Связь нашла въ себѣ самой.

Да, они укрылись въ область сказки,
Унося, туда же за собой,
Все величье, всю красу, всѣ краски,
А у насъ остался звукъ пустой.
И въ замѣнъ вѣковъ и поколѣній,
Имъ вершины Пинда лишь на часть;
Чтобъ безсмертнымъ жить средь пѣснопѣній,
Надо въ жизни этой пасть.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

Вселенной цѣлой потерявъ владѣнье,
Ты не крушись о томъ, оно ничто.
Стяжавъ вселенной цѣлой поклоненье,
Не радуйся ему—оно ничто.
Минутно наслажденье и мученье,
Пройди ты мимо міра—онъ ничто.

I.

Если ты меня разлюбишь,
Не могу я разлюбить;
Хоть другаго ты полюбишь,
Буду все тебя любить;
Не въ моей лишь будетъ власти,
За взаимность вашей страсти,
И его мнѣ полюбить.

II.

Пусть бы люди про меня забыли,
Какъ про нихъ забылъ я совершенно,
Чтобъ съ тобой мы такъ же мирно жили,
Какъ желаю имъ я жить блаженно.

Пусть бы имъ мы такъ же были нужны,
Какъ намъ ими нужно заниматься,
Хоть какъ мы они бы жили дружно,
Иль дрались, коль есть охота драться.

III.

Какъ мнѣ рѣшить, о другъ прелестный,
Кто властью больше: я иль ты?
Свободныхъ пѣсенъ кругъ небесный
Не больше царства красоты.

Два рая: ты—въ моемъ царица,
А мнѣ—въ твоемъ царить дано.
Одинъ другому лишь граница,
И оба вмѣстѣ лишь одно.

Тамъ гдѣ любовь твоя невластна,
Восходитъ пѣсни блескъ моей,
Куда душа ни взглянетъ страстно,
Разверсто небо передъ ней.

IV.

У моей возлюбленной есть украшенье,
Въ немъ она блаженна въ каждое мгновенье,
Всѣмъ другимъ на зависть, мнѣ на заглядѣнье.

У моей возлюбленной есть украшенье,
Въ немъ связали страсть моя и вдохновенье
Съ золотомъ и самоцвѣтные каменья.

У моей возлюбленной есть украшенье,
Въ немъ она должна, ея такое мнѣнье,
И восторгъ встрѣчать и даже огорченье.

У моей возлюбленной есть украшенье,
Въ немъ она предстать желаетъ въ погребенье,
Такъ же, какъ была она въ немъ въ обрученье.

V.

И улыбки и угрозы
Мнѣ твои—все образъ розы;
Улыбнешься ли сквозь слезы,
Ранній цвѣтъ я вижу розы,
А пойдутъ твои угрозы,
Вспомню розы я занозы;
И улыбки и угрозы
Мнѣ твои--все образъ розы.

VI.

Не хочу морозной я
Вѣчности,
А хочу безслезной я
Младости;

Съ огненнымъ желаніемъ,
Полной упованіемъ,
Радости.

Не лавровой вѣткою
Я плѣненъ,
Миртовой бесѣдкою
Окруженъ,
Пусть бы ненавистную,
Вѣтку кипарисную
Ждалъ мой сонъ.

ПѢСНИ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

I.

Станетъ насыпь могилы моей просыхать,
И забудешь меня ты родимая мать
Какъ заглушитъ трава все кладбище въ конецъ,
То заглушитъ и скорбь твою, старый отецъ;
А обсохнутъ глаза у сестры, у моей,
Такъ и вылетитъ горе изъ сердца у ней.

II.

Ты горячая пуля, смерть носишь съ собой;
Но не ты ли была моей вѣрной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топталъ я ногами коня?
Холодна ты, о смерть! даже смерть храбреца,
Но я былъ властелиномъ твоимъ до конца;
Свое тѣло въ добычу землѣ отдаю,
Но за то небеса примутъ душу мою.

III.

Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Изъ подъ снѣга травка проросла красиво.
Взлѣзь ко, мать, на крышу, глянь-ко на востокъ.
Изъ подъ льда ущелья вешній вонъ цвѣтокъ.
„Не пробиться травкѣ изъ подъ груды снѣжной,
Изо льда ущелья цвѣтъ не виденъ нѣжный;
Ни какого дива, влюблена то ты,
Такъ тебѣ на снѣгѣ чудятся цвѣты.

ДЮПОНЪ И ДЮРАНЪ.

ДІАЛОГЪ.

(ИЗЪ АЛЬФРЕДА МЮССЕ).

Дюранъ.

О тѣни праотцевъ, какъ я тоской томимъ!
Къ богамъ воззвалъ бы я, когда бы зналъ къ какимъ.
Вотъ скоро тридцать лѣтъ какъ я на свѣтѣ маюсь
И ужъ издателя лѣтъ десять добиваюсь.
Никто живой моихъ тетрадей не читалъ
И въ мірѣ только я что́ я пишу узналъ.

Дюпонъ.

О, Брутъ! Ты вѣдаешь какъ мнѣ приходитъ жутко!
Съ картофелемъ лишь сидръ не ободрятъ желудка.
И чтобъ не задремать въ тоскливомъ забытьѣ
Не встрѣчу ль съ кѣмъ бы рѣчь затѣять о Фурье?
Какія времена! Какой обѣдъ ужасный!

Дюранъ.

Кого я вижу тамъ вдали? Кто тотъ несчастный,
Что дуетъ въ кулаки, въ которыхъ чувства нѣтъ,
А самъ бредетъ дрожа,—по лѣтнему одѣтъ?
У Фликото кажись встрѣчалъ я горемыку.

Дюпонъ.

Не ошибаюсь я. По горестному лику,
По взору томному въ задумчивыхъ глазахъ,
По шляпѣ вытертой на сальныхъ волосахъ
Дюрана узнаю, стариннаго собрата.

Дюранъ.

Ты ль это, другъ Дюпонъ? Радъ встрѣтилъ я Пилада
И однокашника. Другъ друга обоймемъ.
Такъ не попалъ еще ты въ сумашедшій домъ?
Я думалъ что въ Бисетръ сдала тебя роденька.

Дюпонъ

Молчи. Въ окно сейчасъ я выпрыгнулъ умненько,
И вотъ бѣгу тайкомъ состряпать фельетонъ.

А ты, ужели твой ночлегъ не Шарантонъ?
Вѣдь говорили мнѣ что твой высокій геній...

Дюранъ.

Увы! Дюпонъ, нашъ свѣтъ исполненъ злыхъ суж-
денiй!
Что за животное нашъ глупый родъ людской,
И сколько трудностей на путь пробиться свой!

Дюпонъ.

Братъ, мнѣ ли говоришь? Успѣлъ я въ нашемъ
вѣкѣ
Извѣриться вполнѣ во всякомъ человѣкѣ.
Нашъ міръ становится упрямѣй съ каждымъ днемъ
И въ тупоуміе все глубже мы идемъ.

Дюранъ.

Ты помнишь ли, Дюпонъ, когда еще ребята,
Познаньемъ бѣдняки, а гордостью богаты,
Мы, хоть учитель насъ лѣнивцевъ дралъ порой,—
Въ забвеньи низменномъ вкушали сонъ съ тобой?
Въ душѣ моей тѣ дни блаженства сохранились!

Дюпонъ.

Лѣнивцевъ, ты сказалъ. Мы съ гордостью лѣнились;
Невѣждъ, Богъ видитъ! Все что́ сдѣлалъ я съ тѣхъ
поръ,
Рѣшаетъ о моемъ быломъ ученьи споръ.
Но запахъ сладостный какой бывалъ въ столовой!
Бывало ѣшь и пей, обѣдъ всегда готовый!
Согнувшись надъ столомъ бывало припадешь
Къ книжонкѣ мерзостной сторгованной за грошъ.
Варнава, Демуленъ мнѣ горько доставались,
А милыя статьи Сенъ-Жюста укрывались
На сердцѣ у меня.—Я руку подавалъ,
Какъ римскій бы ее сенаторъ простиралъ.
Ты жребій мой дѣлилъ, не кончилъ ты ученья.

Дюранъ.

Ты правъ, у генія повсюду треволненья.
Мой черепъ, созданный для лавровъ на заказъ,
Ослиной шапкою увѣнчанъ былъ не разъ.
Мое призваніе однакожь видно было,
Во мнѣ писательство всемощно говорило;
Презрѣнъ у сверстниковъ, взрощенъ на кулакѣ.
Я риѳмовалъ въ тиши, согнувшись въ уголкѣ.
Въ пятнадцать лѣтъ моя зарокотала лира,

Я Шиллера глоталъ и Гёте и Шекспира
И лобъ чесался мой при чтеньи ихъ стиховъ,
А что касается прославленныхъ шутовъ
Какъ Тацитъ, Цицеронъ, Гомеръ или Вергилій,
Мы, слава Богу, ихъ какъ должно оцѣнили.
Постигнувъ таинство легко о всемъ писать,
Заикѣ музѣ я далъ волю воровать,
По очереди дралъ я Англичанъ, Испанцевъ,
Сыновъ Италіи и выспренниxъ Германцевъ.
Терзался я что тѣмъ нарѣчьемъ не владѣлъ
Которымъ нѣкогда башмачникъ Саксъ гремѣлъ.
Я бъ вѣрно произвелъ великое творенье;
Но связанъ пошлостью природнаго реченья,
Себѣ я клятву далъ по крайней мѣрѣ въ томъ
Что книги не издамъ съ хорошимъ языкомъ.
Сдержалъ ли слово я—не будешь сомнѣваться.

Дюпонъ.

Когда придетъ зима—и ласточки умчатся.
Куда умчался хоръ счастливыхъ тѣхъ годовъ,
Когда желудокъ въ насъ зависѣлъ отъ зубовъ?
Какіе ключница ломти намъ отрѣзала!

Дюранъ.

Не вспоминай уже; на свѣтѣ счастья мало.

Скажи, прошу тебя, ты что же предпринялъ,
Когда покинулъ ты Латинскій свой кварталъ?

Дюпонъ.

Когда?

Дюранъ.

Въ осьмнадцать лѣтъ, когда оставилъ школу.

Дюпонъ.

Что дѣлалъ я?

Дюранъ.

Скажи.

Дюпонъ.

Да такъ, по произволу—
Что̀ птица дѣлаетъ свалившися съ гнѣзда,
Что̀ Богъ благословитъ и что велитъ нужда.

Дюранъ.

Однакожь?

Дюпонъ.

Ничего. По улицамъ таскался
Куда глаза глядятъ. По волѣ озирался,
Раздѣтый, впроголодь я спалъ по чердакамъ,
Откуда въ срокъ найма я убирался самъ;
Влачась по прихоти судьбы своей коварной,
Сживался я съ мечтой Фурье гуманитарной,
Насколько я лишь могъ повсюду занималъ,
А заведется грошъ, сейчасъ его спускалъ.
Скрывая пошлость фразъ за пышныхъ словъ ту-
манομъ
И сидя безъ бѣлья съ такимъ пустымъ карманомъ,
Что въ мірѣ лишь мой умъ съ нимъ равенъ пу-
стотой,
Я жилъ оборванный, завистливый и злой.

Дюранъ.

Я знаю; чтобъ тебя совсѣмъ не затомило,
Когда желудокъ твой кричалъ: „ужь шесть про-
било“,
Тебѣ пять франковъ я изъ жалости втиралъ,
А ты у Беназе ихъ тотчасъ же спускалъ.
Но что же далѣе ты дѣлалъ? Не могу я
Представь, чтобъ досель влачилъ ты жизнь такую.

Дюпонъ.

Всегда! Спиноза мнѣ и Брутъ порукой въ томъ,
Что въ платьѣ, что на мнѣ, я проходилъ въ одномъ.
И какъ его смѣнить? Кто судитъ справедливо?
Вездѣ царитъ расчетъ и скупость, да нажива.
Затѣялъ я проектъ... Скажу тебѣ тайкомъ...
Проектъ! но я прошу, ты помолчи о немъ...
Куда тебѣ Ликургъ,—на свѣтѣ не видали
Чудеснѣй ничего, коль помѣстятъ въ журналѣ.
Вселенную, мой другъ, переверну вверхъ дномъ,
И съ прошлымъ сходства съ ней не будетъ ужь ни въ чемъ,
Богатый станетъ нищъ, а сильный будетъ слабый,
Зло будетъ намъ добромъ, мущина станетъ бабой.
А женщины тогда,—ну станутъ чѣмъ хотятъ,
Стариннѣйшихъ враговъ дни счастья примирятъ—
Россію съ Турціей, Французовъ съ Альбіономъ,
Безвѣріе души съ божественнымъ закономъ,
А драму съ здравостью разсудка.—Да чего?
Царей, правителей, судей—ни одного,
Начальства—не моги; законовъ—не желаю.
Семейство я гоню и браки расторгаю:
Кому охота есть и добывай дѣтей,
Кто хочетъ разыскать отца—ищи смѣлѣй.
Затѣмъ уже, мой другъ, ты не увидишь болѣ

Долинъ иль горъ, лѣсовъ иль колоколенъ въ полѣ.
Все это пустяки! Мы всѣ ихъ подберемъ,
Мы раскидаемъ ихъ, завалимъ и сожжемъ,
И всюду копи лишь раскинутся съ рудами,
Тропинки, хижины, поля подъ овощами.
Морковь, горохъ, бобы,—кто хочетъ тотъ говѣй.
За то обѣдать въ сласть никто уже не смѣй.
Изъ Пекина въ Парижъ желѣзный путь блестящій
Мою республику связуетъ дружбой вящей;
Народы разные, въ огромный сѣвъ вагонъ,
Смѣшавши языки, представятъ Вавилонъ.
А пышущій огнемъ колоссъ гуманитарный
Всѣ косточки найдетъ планеты благодарной,
И изумится всякъ съ такого корабля,
Что подъ капустой вся да рѣпою земля.
Земля получитъ видъ подчищенный и низкій,
Гуманитарности міръ сдѣлается миской,
И шаръ нашъ безъ волосъ, безъ бороды—обритъ,
Какъ тыква гладкая по небу полетитъ.
Какой проектъ, мой другъ! Нельзя не восхищаться,
Что можетъ съ планами подобными сравняться?
Въ свободные часы я ихъ въ статьѣ провелъ.
Но вѣришь ли, Дюранъ, никто ихъ не прочелъ?
Чего жь хотѣть? Нашъ свѣтъ и глухъ и слѣпъ ужасно,
Ты кладъ ему даешь иль чудо,—все напрасно:
Спѣша на биржу, онъ къ тебѣ ужь сталъ спиной,
Одинъ нашелъ законъ, каналъ ведетъ другой;

Имъ денегъ хочется; пожить, поѣсть послаже,
А есть бездѣльники что землю пашутъ даже.
Да, въ наши дни людей такъ трудно просвѣтить,
И я отчаялся ихъ даже возродить.
А твой каковъ удѣлъ? Я чай ты мнѣ не пара.

Дюранъ.

Сперва ученикомъ я сталъ ветеринара.
Пожалуй получалъ я франка по два въ день,
Да не понравилось мнѣ не вставать съ колѣнь,
Чтобъ лошади больной втирать въ копыто сало,
За что она не разъ брыканьемъ отвѣчала.
Какъ надоѣло мнѣ, я вздумалъ улизнуть
И съ Божьей помощью побрелъ куда-нибудь.
Пошелъ я къ продавцу эстамповъ. Мастеръ рьяный,
Онъ иллюстрировалъ извѣстные романы.
Два года прожилъ я. Въ листки негодныхъ книгъ
Совалъ я очерки еще негоднѣй ихъ.
Я пользу отыскалъ въ трудѣ отъ всѣхъ сокрытомъ,
Я пріучилъ свой умъ быть ловкимъ паразитомъ.
Хватаясь за другихъ, у нихъ же воровать.
Но трудъ ученика сталъ мнѣ надоѣдать.
Однажды за столомъ у старика Тюиля
Я встрѣтилъ Дюбуа, опору водевиля.
Онъ выпить не дуракъ, задорно спѣть куплетъ,
И въ полпивныхъ ему весельемъ равныхъ нѣтъ.

Съ правописаніемъ онъ далъ мнѣ чувство стиля.
Состряпали вдвоемъ мы четверть водевиля.
По ярмаркамъ его давали иногда.
Хотя гоненья онъ претерпѣвалъ всегда
Вскипѣла желчь во мнѣ отъ этой неудачи;
Рѣшилъ безплодный мозгъ я повернуть иначе
Придя домой я сѣлъ, сказавши: погоди жъ.
Моимъ писаніемъ я изумлю Парижъ.
Задавшись риѳмами, мозги мои смѣлѣе
Впервые будто бы приблизились къ идеѣ.
Я заперся на ключъ писателей читать.
Которыми себя задумалъ вдохновлять.
Подъ полусотней книгъ трещалъ мой столъ несчастный,
Я долго мучился поэмою ужасной.
Луна и солнце въ ней вступили во вражду,
Венера съ папою плясали въ ней въ аду,
Сознай насколько мысль моя философична.
Все что̀ являлось намъ въ твореньяхъ единично,
Какъ Брама напримѣръ, Юпитеръ, Магометъ,
Платонъ и Мармонтель, Неронъ и Боссюэтъ,
Я это все собралъ въ созданіи всецѣломъ.
Но главный капиталъ въ твореньи этомъ смѣломъ —
Такъ это ящерицъ надъ рѣчкой дружный хоръ.
Рассинъ въ сравненіи съ подобнымъ гимномъ вздоръ...
Меня не поняли. И книжкѣ символичной
Моей пришлось лежать въ пыли, гробамъ приличной.

Печальный результатъ и дѣвственность плохая!
Но скоро въ путь меня умчала цѣль иная.
Сошелся старичекъ со мною журналистъ;
Онъ промотавшійся былой семинаристъ.
Разъ десять по цѣнѣ распроданный дешевой,
И на честныхъ людей за франкъ плевать готовый.
Въ ливрею старичка одѣлся я сейчасъ;
Желчь у меня съ пера просилась въ этотъ разъ.
Я возродился самъ и въѣлся въ это дѣло.
Дюпонъ! какъ сладостно надъ всѣмъ ругаться смѣло.
Мертворожденный умъ такъ любитъ подходить
Къ своей же глупости и всѣмъ за это мстить.
Когда чужой успѣхъ предстанетъ настоящій,
И ты придешь домой, чтò можетъ-быть тутъ слаще,
Какъ личность растерзать и честь испачкать всю
И вылить на нее чернилицу свою,
Имѣя гдѣ-нибудь такой журналъ несчастный,
Гдѣ можно отрицать чтò самъ увидѣлъ ясно!
Ложь анонимная отраднѣе всего.
На авторовъ, царей, на Бога самого,
На всѣхъ я клеветалъ, стараясь всѣхъ позорить,
И горе, кто меня хотѣлъ бы переспорить!
Когда Парижъ таилъ какой-либо секретъ!
Я къ вечеру тащилъ его въ столбцы газетъ.
Пронюхивалъ я все. И съ улицъ на паркеты
Тащилъ на каблукахъ я грязные предметы,
Въ скандальный этотъ вѣкъ я каждый зналъ скандалъ
И оглашалъ его.—Тутъ я не признавалъ

Ни жалобъ, ни угрозъ,—меня ты слишкомъ знаешь.
Но ты молчишь, Дюпонъ, о чемъ ты размышля-
ешь?

Дюпонъ.

Увы! Дюранъ, когда бъ найти я только могъ
Хоть сердце женщины, принять мой страстный
вздохъ!
Такъ нѣтъ. Напрасно я ищу плѣнять въ Парижѣ!
Плохъ курсъ твоихъ статей, меня же цѣнятъ ниже.
Себя я предлагалъ всѣмъ встрѣчнымъ—не берутъ.
На ложе хладное бреду я въ свой пріютъ—
И жду—никто нейдетъ.—Вѣдь можно утопиться!

Дюранъ.

Ужель ты не искалъ подъ вечеръ веселиться?

Дюпонъ.

Къ Прокопу въ домино хожу играть подчасъ.

Дюранъ.

Прекрасная игра—и развиваетъ насъ;
Тотъ человѣкъ уже не сдѣлаетъ промашки.

Что мастеръ въ домино подладить деревяшки.
Войдемъ въ кофейную. Самъ лепту я взнесу.

Дюпонъ.

Коль безъ реванша дашь ты мнѣ пятнадцать су,—
Согласенъ.

Дюранъ.

Погоди! Сыграемъ-ко мы прежде
На угощеніе, чтобъ ввѣриться надеждѣ.
Навѣрно рюмочку на счетъ твой пропущу.

Дюпонъ.

Боюсь ликеровъ я. Ужь пивомъ угощу.
Что въ кошелькѣ твоемъ?

Дюранъ.

Три су.

Дюпонъ.

Въ харчевню ближе.

Дюранъ.

Ступай впередъ.

Дюпонъ.

Нѣтъ ты.

Дюранъ.

Нѣтъ ты, прошу—иди же.

ИЗЪ МЕРИКЕ.

Будь Θеокритъ, о прелестнѣйшій мной упомянутъ
съ хвалою,
Нѣженъ ты прежде всего, но и торжественъ
вполнѣ.
Ежели грацій ты шлешь въ золотые чертоги богатыхъ,
Босы онѣ, безъ даровъ, снова приходятъ къ тебѣ,
Праздны сидятъ онѣ снова въ убогомъ домѣ поэта
Грустно склоняя чело къ сгибу остывшихъ колѣнъ.
Или мнѣ дѣву яви, когда въ изступленіи страсти,
Юноши видя обманъ, ищетъ Гекату она.
Или воспой молодого Геракла, которому служитъ
Люлькою кованный щитъ, гдѣ онъ и змѣй задушилъ.
Звученъ тріумфъ твой! Сама тебя Калліопа вѣнчаетъ;
Пастырь же скромный, затѣмъ снова берешь ты
свирѣль.

XLIX (LI).

Тотъ богоравный былъ избранъ судьбою,
Тотъ и блаженствомъ божественнымъ дышитъ,
Кто зачастую сидитъ предъ тобою,
Смотритъ и слышитъ

Сладостный смѣхъ твой; а я то несчастный
Смыслъ весь теряю, а взоръ повстрѣчаю,
Лезбія, твой, такъ безумный и страстный
(Словъ ужь не знаю).

Молкнетъ языкъ мой и тонкое пламя
Льется по членамъ моимъ, начинаетъ
Звонъ раздаваться въ ушахъ, предъ глазами
Ночь наступаетъ.

Праздность, Катуллъ, насылаетъ мытарства,
Праздность и блажь на тебя напустила;
Праздность царей и блаженныя царства
Часто губила.

1. КНИГА ЛЮБВИ ОВИДІЯ

I. Элегія.

Славить доспѣхи и войны сбирался я строгимъ размѣромъ,
Чтобъ содержанью вполнѣ былъ соотвѣтственъ и строй.
Всѣ были равны стихи. Но вдругъ Купидонъ разсмѣялся,
Онъ изъ второго стиха ловко похитилъ стопу.
„Кто, злой мальчикъ, тебѣ такую далъ власть надъ стихами?
Вѣщій пѣвецъ Піеридъ, не челядинецъ я твой.
Кстати ль Венерѣ хватать доспѣхъ бѣлокурой Минервы,
Ей бѣлокурой къ лицу ль факела жаръ раздувать?
Кто похвалилъ бы, когда бъ Церера владѣла лѣсами?
А властелинкой полей дѣва съ колчаномъ была бъ?
Нѣтъ у меня и предмета приличнаго легкимъ размѣрамъ:

Отрока, иль дорогой дѣвушки въ длинныхъ кудряхъ.“
Такъ роппталъ я. Но онъ, колчанъ растворяя немедля,
Выбралъ, на горе мое, мнѣ роковую стрѣлу.
Сильнымъ колѣномъ согнувъ полумѣсяцемъ лукъ искривленный,
„Вотъ же, сказалъ онъ, воспѣть можешь ты это, пѣвецъ!“
Горе несчастному мнѣ! какъ мѣтки у мальчика стрѣлы:
Вольное сердце горитъ, въ немъ воцарилась любовь;
Шестистопнымъ стихомъ начну, пятистопнымъ окончу.
Битвамъ желѣзнымъ и ихъ пѣснямъ скажу я: прости!
Миртомъ прибрежнымъ теперь укрась золотистыя кудри,
Муза, и въ пѣсню вводи, только одиннадцать стопъ.

II. Элегія.

Чтобъ это значило? Все какъ будто жестка мнѣ постеля,
И одѣялу нигдѣ мѣста сыскать не могу,
Цѣлую долгую ночь провелъ въ безсонницѣ томной,
Какъ ни ворочался я, больно усталымъ костямъ?
Я бы почувствовалъ, кажется, если бъ томился любовью;
Иль незамѣтно она въ сердце вливаетъ свой ядъ?
Подлинно такъ! Вонзились мнѣ въ сердце колючія стрѣлы,
И побѣжденную грудь злобный смущаетъ Амуръ.
Чтожь, уступить? Иль раздуть борьбою мгновенное пламя?
Да уступлю. Покорясь, ношу удобнѣй нести.
Видывалъ я, какъ вдругъ отъ качанія вспыхивалъ факелъ,
Видывалъ какъ потухалъ онъ, нетревожимъ никѣмъ.
Терпятъ ударовъ волы, еще непривычные къ плугу,
Больше гораздо, чѣмъ тѣ, что покорились ярму;
Ротъ у строптивыхъ коней колючими рвутъ удилами,

Чувствуютъ меньше узду тѣ, что покорны браздамъ,
Злѣе гораздо палитъ Амуръ душей непокорныхъ
Чѣмъ такихъ, что терпѣть рабство, ему поклялись.
Видишь,—себя я призналъ, Купидонъ! Твоею добычей,
Руки покорныя самъ я воздѣваю къ тебѣ,
Нечего мнѣ воевать, прошу пощады и мира,
Я безоруженъ, меня что за хвала покорить.
Волосы миртомъ вѣнчай, у матери взявши голубокъ,
А колесницу для нихъ, вотчимъ тебѣ подаритъ.
Въ ней ты будешь стоять; подъ крикъ тріумфальный народа,
Править запряжкою птицъ ловкой ты будешь рукой.
Юношей плѣнныхъ во слѣдъ и дѣвъ поведутъ за тобою;
Шествіе ихъ для тебя будетъ славнѣйшій тріумфъ,
Самъ я, плѣнникъ недавній, пойду со свѣжею раной,
Новыя цѣпи твои чувствуя плѣнной душей.
Здравый Смыслъ поведутъ, связавъ ему за спину руки,
Стыдъ, туда же и всѣхъ, кто на Амура возсталъ.
Всѣ да боятся тебя. И руки къ тебѣ воздѣвая,
Голосомъ громкимъ народъ пусть восклицаетъ: Тріумфъ!
Спутники лести пойдутъ при тебѣ: заблужденье и дерзость,
Эта толпа за тебя вѣчно готова стоять.

Этимъ-то войскомъ своимъ ты людей и боговъ побѣждаешь;
Стоитъ отнять у тебя только ихъ помощь — ты нагъ.
Рада тріумфу сыновнему, мать на высокомъ Олимпѣ
Зарукоплещетъ, и розъ станетъ кидать на тебя.
Ты же алмазами крылья, алмазами кудри убравши,
На золотыхъ колесахъ будешь стоять золотой.
Тутъ, я знаю тебя, зажжешь сердецъ ты не мало.
И мимоходомъ людей многихъ поранишь тогда.
Еслибы даже хотѣлъ, унять своихъ стрѣлъ ты не въ силахъ;
Жаркое пламя своей близостью жгучей палитъ.
Такъ же шествовалъ Вакхъ, покоривши предѣлы Гангеса,
Тиграми онъ управлялъ, правишь голубками ты.
Если часть твоего могу я составить тріумфа,
Такъ пощади! На меня силъ побѣдитель не трать!
Цезарь родственникъ твой, тебѣда послужитъ примѣромъ:
Дланью побѣдной своей онъ побѣжденныхъ хранитъ.

V. Элегія.

Солнце палило, и только полуденный часъ миновало,
Членамъ давая покой, я на постелю прилегъ.
Часть пріоткрыта была, и часть закрыта у ставней,
Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, тотъ что бываетъ въ лѣсахъ.
Сумерки такъ то сквозятъ вослѣдъ уходящему Фебу,
Или когда перейдетъ ночь, а заря не взошла.
Должно такой полусвѣтъ для застѣнчивой дѣвы готовить,
Въ немъ-то укрыться скорѣй робкій надѣется стыдъ.
Вижу Коринна идетъ, и пояса нѣтъ на туникѣ,
Плечи бѣлѣютъ у ней подъ распущенной косой.
Семирамида роскошная въ брачный чертогъ такъ вступала,
Или Лаиса, красой милая многимъ сердцамъ.
Я тунику сорвалъ, прозрачная мало мѣшала.
А между тѣмъ за нее дѣва вступила въ борьбу;
Но какъ боролась она, какъ бы не желая побѣды,
Было легко побѣдить ту, что себя предала.
Тутъ появилась она очамъ безъ всякой одежды,

Безукоризненно все тѣло предстало ея.
Что за плечи и что за руки тогда увидалъ я!
Такъ и хотѣлось пожать формы упругихъ грудей.
Какъ подъ умѣренной грудью округло весь станъ развивался!
Юность какая видна въ этомъ роскошномъ бедрѣ!
Чтожь я хвалю по частямъ? Что видѣлъ я, было прекрасно.
Тѣло нагое къ себѣ много я разъ прижималъ.
Кто не знаетъ конца? Усталые мы отдыхали,
Если бы мнѣ довелось чаще такъ полдень встрѣчать.

ФИЛЕМОНЪ И БАВКИДА.

Смолкнулъ на этомъ потокъ. Всѣхъ бывшихъ тронуло чудо.
На смѣхъ поднялъ довѣрчивыхъ только боговъ поноситель
И необузданный въ сердцѣ своемъ, Иксіономъ рожденный:
Сказки плетешь и чрезмѣрно боговъ, Ахелой ты считаешь
Мощными, рекъ онъ, коль формы и дать и отнять они могутъ.
Всѣ изумились; никто подобныхъ рѣчей не одобрилъ:
Но Лелексъ изо всѣхъ, созрѣвшій умомъ и годами,
Такъ сказалъ: безмѣрна власть неба и нѣтъ ей предѣла,
И чего пожелаютъ небесные, то совершится.
Чтобъ ты не былъ въ сомнѣньи, такъ есть, недалеко отъ липы,
Дубъ на Фригійскихъ холмахъ, обнесенъ небольшою стѣною...

Видѣлъ то мѣсто я самъ, потому что былъ посланъ Питтеемъ
Въ Пелопса землю, которой отецъ его правилъ когда-то.
Есть тамъ болото вблизи, что нѣкогда было селеньемъ,
Нынѣ тѣ воды ныркамъ, да болотнымъ курочкамъ любы.
Въ образѣ смертномъ туда явился Юпитеръ и также,
Вмѣстѣ съ отцомъ, Атлантидъ жезлоносецъ, покинувши крылья;
Въ тысячѣ цѣлой домовъ они добивались ночлега:
Тысячи были домовъ на замкѣ. Въ одинъ ихъ впустили,
Маленькій, крытый однимъ камышемъ изъ болотъ, да соломой.
Но старушка Бавкида, и ей лѣтами подъ пару,
Филемонъ, сочетавшися въ немъ въ дни юности, въ той же
Хатѣ состарились. Бѣдность они сознали, имъ легкой
Стала она и ее они добродушно сносили.
Что ни дѣлай, господъ или слугъ ты здѣсь не отыщешь:
Домъ то весь только двое, служить и приказывать тѣже.
Вотъ когда небожители бѣднаго крова достигли,

И, головами нагнувшись, вошли черезъ низкія двери,
Членамъ дать отдыхъ старикъ пригласилъ ихъ, придвинувши кресла,
А суровою тканью его покрыла Бавкида.
Теплую тотчасъ золу разгребла, и разрыла вчерашній
Жаръ, подложила листвы съ сухою корою, и пламя
Старческимъ дуновеньемъ своимъ заставила вспыхнуть.
Мелкой лучины снесла съ чердака, да высохшихъ сучьевъ,
И, нарубивши, придвинула ихъ къ котелку небольшому.
Листья срубила съ кочна, принесеннаго мужемъ изъ саду,
Орошеннаго. Онъ же двурогою вилой снимаетъ
Съ черной жерди затылокъ свиной, висящій, копченый.
Отъ хранимой давно ветчины отрѣзаетъ онъ малость,
И отрѣзокъ спѣшитъ размягчить въ клокочущей влагѣ.
Между тѣмъ сокращаютъ часы разговоромъ, мѣшая
Замедленіе чувствовать. Буковый тутъ же и чанъ былъ
На костылѣ деревянномъ за прочное ухо привѣшенъ.

Теплой наполненъ водой, онъ принялъ члены ихъ, грѣя.
По срединѣ была постель изъ мягкихъ растеній
Положена на кровать; изъ ивы бока въ ней и ножки.
Эту покрыли ковромъ, которымъ по праздникамъ только
Покрывали ее, но и тѣмъ,—дешевый и старый
Былъ онъ коверъ,—на кровати изъ ивы, не слѣдъ было брезгать.
Боги на ней возлегли. Подсучась, дрожащая, ставитъ
Старица столъ; но третья въ столѣ неравна была ножка.
Ножку сравнялъ черепокъ. Когда же приподняло крышу,
То зеленою мятой она его тотчасъ протерла.
Тутъ поставили свѣжихъ, пестрыхъ ягодъ Минервы,
Также вишень осеннихъ, въ соку приготовленныхъ жидкомъ,
Рѣдьки, индивія, къ нимъ молока сгущеннаго въ творогъ,
Да яицъ, что слегка лишь ворочаны въ пеплѣ не пылкомъ.
Все въ посудѣ изъ глины. Затѣмъ расписной былъ поставленъ
Кубокъ того жь серебра и стаканъ, сработанъ изъ бука,

Внутренность въ немъ была желтоватымъ промазана воскомъ.
Долго ли ждать; съ очага появились горячія яства.
Вотъ убрали вино незначительной старости, чтобы
Мѣсто очистить на время вторичной чредѣ угощенья.
Тутъ орѣхъ, въ перемежку тутъ финикъ морщинистый съ фигой,
Сливы въ корзинахъ и съ ними душистыя яблоки рядомъ.
Также и гроздья, что съ лозъ, разукрашенныхъ пурпуромъ, сняты.
Сотъ посреди золотой. Ко всему жъ добродушныя лица
И при этомъ хлопотъ и вмѣстѣ радушья не мало.
Видятъ они между тѣмъ, что сколько ни черпаютъ, чаша
Все наполняется,—тотчасъ вино прибываетъ.
Чудо приводитъ ихъ въ страхъ; и руки воздѣвши взываютъ
И Бавкида съ мольбой и самъ Филемонъ устрашенный.
Просятъ прощенья за столъ и скудное все угощенье.
Былъ единственный гусь, двора ихъ убогаго сторожъ,
Въ жертву гостящимъ богамъ заклать его старцы рѣшили.
Онъ, проворенъ крыломъ, изморилъ удрученныхъ годами,

Долго шнырялъ онъ отъ нихъ, и словно ушелъ подъ защиту
Къ самымъ богамъ. Его убивать запретили владыки.
Боги мы, сказали они, оплатятъ сосѣди
Карой заслуженной грѣхъ, но дастся вамъ быть непричастнымъ
Этому злу, только вы свой кровъ немедля покиньте,
Да ступайте за нами и слѣдомъ въ гору идите
Вмѣстѣ. Послушались оба и стали, опершись на палки,
Долгій подъемъ проходить по дорогѣ, взбираяся къ верху.
Не дошли до вершины настолько, насколько доразу
Можетъ стрѣла прилетѣть. Оглянулись и все увидали
Погруженнымъ въ болото, а ихъ только кровля осталась.
Вотъ, покуда дивились они, о сосѣдяхъ жалѣя,
Хижина старая ихъ, въ которой двоимъ было тѣсно,
Превратилася въ храмъ; колоннами стали подпорки,
Зажелтѣла солома, и крыша стоитъ золотая.
Двери стали рѣзныя, и мраморомъ землю покрыло.
Тутъ Сатурній сказалъ, обращая къ нимъ ликъ благосклонный:
Праведный старецъ и ты, жена достойная, ваши
Изреките желанья. Съ Бавкидой сказавши два слова,

Передалъ самъ Филемонъ ихъ общія мысли безсмертнымъ:
Быть жрецами и стражами вашего храма желаемъ
Мы, а такъ какъ въ согласьи мы прожили годы, то пусть насъ
Часъ все тотъ же уноситъ, пускай не увижу могилы
Жениной я, и она пускай и меня не хоронитъ.
Какъ просили, сбылось; покуда жизнь длилася, были
Стражами храма они. Когда жь ослабѣвши отъ вѣка
Разъ у священныхъ ступеней стояли они, повѣствуя,
Что тутъ на мѣстѣ сбылось, увидалъ Филемонъ, что Бавкида,
А Бавкида, что сталъ Филемонъ покрываться листвою.
Вотъ ужь подъ парою лицъ поднялися макушки, тутъ оба
Какъ могли, такъ другъ другу вмѣстѣ сказали: прощай же
О супругъ, о супруга и вѣтви закрыли имъ лица.
Кажетъ прохожимъ по нынѣ еще Тіаніи житель
Два сосѣднихъ ствола исходящихъ отъ корня двойнаго.
Мнѣ старики достовѣрные, не было лгать имъ причины,

Такъ разсказали. При томъ и самъ я видѣлъ висѣли
На вѣтвяхъ тѣхъ вѣнки; и свѣжихъ повѣсивъ сказалъ я:
Кроткіе милы богамъ, кто чтилъ ихъ самъ будетъ въ почетѣ.

К. ГОРАЦІЯ ФЛАККА

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ.

КЪ ПИЗОНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя заглавіе *Поэтическое искусство* (Ars poetica) или вѣрнѣе *О поэтическомъ искусствѣ* (de arte poetica) по всей вѣроятности и не принадлежитъ самому Горацію, но оно тѣмъ не менѣе весьма древнее и находится уже у Квинтиліана. Соотвѣтствіе такого заглавія съ содержаніемъ самого письма, заставило удержать его и по нынѣ, но это соотвѣтствіе только внѣшнее. Горацій былъ на столько мыслитель, что рѣшившись разъ представить теорію поэзіи, не допустилъ бы такого безпорядка въ изложеніи, какой представляетъ Письмо къ Пизонамъ. Съ другой стороны, онъ былъ весьма опытный и даровитый художникъ-поэтъ, и не могъ, конечно, предпринять въ стихотворной формѣ такой чисто дидактическій трудъ. Фантазія его буйствуетъ. Онъ какъ бы не въ силахъ совладѣть съ налетающими на него образами (безъ этого всякій лиризмъ мертвечина; не Горацію было не знать этого); и если онъ въ этомъ Письмѣ, какъ и вездѣ является назидательнымъ и полезнымъ, то это одно изъ его достоинствъ, но никакъ не *цѣль*. Горацій вращался въ самомъ образованномъ и изящномъ кругу своего времени. Фамилія Пизоновъ, къ которымъ относится это письмо, принадлежала къ самымъ древнѣйшимъ. Отецъ упоминаемыхъ въ немъ Пизоновъ-сыновей (Люцій, Калпурній, Пизонъ) велъ свой родъ отъ сына

царя Нумы по имени Кальпа (Calpus) (стихъ 292). Въ 739 году отъ О. Р. онъ былъ консуломъ и по свидѣтельству Тацита умеръ въ 785 году восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Такъ какъ Горацій умеръ въ 746 году, а старшему изъ дѣтей Пизона, къ которому относится поэтъ какъ къ начинающему стихотворцу, могло въ это время быть отъ 15 до 20 лѣтъ, то коментаторы и относятъ эту оду къ 745 году, то-есть за годъ до смерти поэта. Къ такому заключенію приводитъ и то обстоятельство, что Горацій уже однажды затрогивалъ (въ письмѣ къ Юлію Флору) тотъ же предметъ, которымъ въ настоящемъ письмѣ увлекся окончательно. Нельзя же предположить обратнаго хода дѣла. Нѣкоторые критики предполагаютъ даже, что Горацій не успѣлъ докончить этого посланія, но весь строй и цѣльность стихотворенія и чисто Гораціевскій конецъ явно уличаютъ въ противномъ. Въ послѣдніе годы жизни Горацій оставилъ лиру и предался философіи. Только желаніе высказаться молодому начинающему другу, подало ему поводъ написать стихотворное письмо. которое для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что оно блистаетъ всѣми достоинствами музы поэта, въ лучшую эпоху его дѣятельности.

Вотъ послѣдовательность, чтобы не сказать порядокъ мыслей въ нашемъ письмѣ:

Стихотвореніе должно быть цѣльно (1—23), но неодносторонне (24—37). Если выборъ содержанія соотвѣтствуетъ индивидуальной силѣ автора (38—41), то соотвѣтственный предмету порядокъ установится самъ собою (42—45). О выборѣ словъ и выраженій (46—72), стихотворныхъ размѣровъ (73—85). Каждый размѣръ имѣетъ свой особенный характеръ, съ которымъ и должно въ данномъ случаѣ сообразоваться (86—98). Должно обращать вниманіе на положеніе лица (99—113) и на самое лицо и его характеръ (114—118). Относительно содержанія должно или держаться преданій (119—124), или рѣшаясь на самобытное творчество, оставаться послѣдовательнымъ и вѣрнымъ однажды задуманному образу (125—127). Но первый путь болѣе благонадеженъ (128—130). При этомъ должно избѣгать рабскаго подражанія и разныхъ гибельныхъ неловкостей (131—152). Спеціальныя указанія драматургамъ: должно соображаться съ возрастомъ дѣйствующаго лица (153—178); отношеніе элемента повѣ-

ствовательнаго къ дѣйствующему (179—188); число актовъ, правила касательно deus ex machina, число дѣйствующихъ лицъ, положеніе хора (189—201); музыкальный аккомпаниментъ (202—219); драма съ Сатирами (220—250). Размѣры драматическіе: ямбъ и его исполненіе строго по греческимъ образцамъ (251—274). Два главные вида драмы: трагедія и комедія, сперва греческія (275—284), потомъ римскія (285—288). Послѣднія страдаютъ большею частью недостаткомъ отдѣлки (289—294), что́ авторы выдаютъ за геніальность (295—308). Творчество должно опираться на основательное образованіе, каково изученіе практической философіи (309—316) и въ то же время жизни (317—322). Преуспѣянію поэзіи у Римлянъ противодѣйствуетъ матеріализмъ ихъ воспитанія (323—332). Изъ трехъ родовъ поэзіи чисто поучительнаго (335—337), чисто занимательнаго (338—340) и сочетанія того и другаго элемента, — послѣдній болѣе всѣхъ увлекаетъ общее сочувствіе (341—346). Изъ такихъ идеальныхъ требованій можно кое чѣмъ поступиться въ пользу человѣческихъ несовершенствъ, лишь бы добро превышало (347—353); но снисхожденіе должно имѣть границы (354—360). Стихотворенія также разнообразны по производимымъ впечатлѣніямъ, какъ и картины (361—365), но посредственность не можетъ быть терпима (366—378). И стихотворству надо обучаться (379—385), а потому при обнародованіи сочиненій должно быть крайне осмотрительнымъ (386—390). Но не слѣдуетъ стыдиться почтеннѣйшаго и древнѣйшаго искусства поэзіи (391—407). Для преуспѣянія въ немъ необходимо соединеніе таланта съ изученіемъ (408—415), чего не рѣдко не признаютъ современники (416—418). Прихлебатели и корыстные хвалители только увеличиваютъ легкомысленное самолюбіе богатыхъ писателей (419—433), такъ что по отношенію къ стихамъ поэта легко распознать истиннаго друга отъ ложнаго (434—452). Только истинный неумолимый критикъ можетъ спасти отъ несчастія сдѣлаться, въ качествѣ плохаго стихотворца, мучителемъ встрѣчнаго и поперечнаго.

КЪ ПИЗОНАМЪ.

Еслибы вдругъ живописецъ связалъ съ головой человѣчьей
Конскій затылокъ и въ пестрыя вырядилъ перья, отвсюду
Сборные члены; не то заключилъ бы уродливо черной
Рыбой, сверху прекрасное, женское тѣло, — при этомъ
Видѣ могли ли бы вы, друзья! удержаться отъ смѣху?
Вѣрьте, Пизоны, такой картинѣ очень подобна
Книга, въ которой нескладныя грезы, какъ сны у больнаго

Ст. 1. Общее правило единства изображеній. Многіе современные Горацію стихотворцы (самонадѣянные идіоты искусства) не только забывали это правило, но даже кичились яркою пестротой своихъ несообразныхъ произведеній, считая такой образъ дѣйствій геніальною поэтическою вольностью. Горацій сравниваетъ такое несообразное произведеніе съ картиной, въ которой живописецъ связалъ бы въ одно цѣлое члены человѣка, звѣрей, птицъ и рыбъ.

Ст. 6. О Пизонахъ смотри вступленіе.

Смѣшаны такъ, что нога съ головой сочетаться не можетъ
Въ произведеньи одномъ. Живописцамъ равно и поэтамъ
Все дерзать искони давалось полное право.
Знаемъ! и эту свободу просить и давать мы согласны,
Но не съ тѣмъ, чтобы дикое съ кроткимъ вязалось, не съ тѣмъ, чтобъ
Сочетались со птицами змѣи, съ тиграми—агнцы.
Вслѣдъ за важнымъ и много сулящимъ началомъ нерѣдко
Тотъ пурпурный лоскутъ, другой ли для бо́льшаго блеска
Приставляется, рощу ли то, алтарь ли Діаны
И по красивымъ полямъ протекающей рѣчки извивы,
Или Рейнъ, или радугу намъ описывать станутъ.

Ст. 9. Горацій какъ бы подсказываетъ плохимъ художникамъ ихъ обычное оправданіе и ссылку на поэтическія вольности.

Ст. 11. Онъ признаетъ ихъ, но до предѣловъ указуемыхъ самою природою вещей.

Ст. 15. Какъ бы ни были красивы сами по себѣ отдѣльные предметы, но вставленные не у мѣста, они также оскорбляютъ чувство гармоніи, какъ яркій лоскутъ нашитый на платьѣ другаго цвѣта.

Ст. 19. Потерпевшіе кораблекрушеніе посвящали обыкновенно въ храмъ Нептуна дощечку, изображавшую ихъ спасеніе; или же вѣшали ее себѣ черезъ плечо какъ знакъ, дозволявшій имъ прибѣгать къ общественной благотворительности. По свидѣтельству древ-

Но не у-мѣста здѣсь это. Да ты кипарисы быть можетъ
Мастеръ писать? Но къ чему, коль тутъ потерпѣвшій крушенье
Выплылъ бѣднякъ, по заказу написанный? Дѣлать амфору
Сталъ — и пустилъ колесо, — зачѣмъ же вышелъ горшечекъ?
Словомъ, что дѣлать замыслилъ, да будетъ едино и цѣльно
Большую часть пѣвцовъ — (отецъ и достойные дѣти!)
Губитъ призракъ насъ совершенства: стараюсь быть краткимъ,
Дѣлаюсь темнымъ; иной, желая быть легкимъ, теряетъ
Силу и душу; а этотъ быть важнымъ пытаясь, напыщенъ;
Въ прахѣ ползетъ,—вполнѣ безопасенъ,—боящійся бури.

пяго схоліаста, одинъ изъ такихъ бѣдняковъ пришелъ заказывать подобную дощечку къ греческому живописцу, набившему руку въ писаніи кипарисовъ, и живописецъ спросилъ: ужь не написать ли тутъ же тебѣ и кипариса?

Ст. 22. Колесо горшечника.

Ст. 26. Пизоны.

Ст. 31. Великое изреченіе, указывающее на противуположную бездну, избѣжать которой въ свою очередь можетъ только талантъ. Мало не создать ни чего безобразнаго, надо создать нѣчто красивое, а главное цѣльное.

Кто не сложную вещь разукрасить желаетъ чудеснымъ,
Тотъ напишетъ дельфина въ лѣсу, кабана среди моря.
Страхъ ошибокъ ведетъ къ недостаткамъ, коль нѣту искусства.
Около школы Эмилія, жалкій литейщикъ сумѣетъ
Выдѣлать ногти и мягкіе волосы вылить изъ мѣди,
Въ главной задачѣ труда несчастный, затѣмъ что не сладитъ
Съ цѣлымъ. Явиться такимъ же, задумавъ любое творенье,
Я не больше хотѣлъ бы, какъ носъ имѣть покривленный,
Чернымъ цвѣтомъ глазъ и волосъ вызывая вниманье.

Ст. 32. Самый бездарный художникъ можетъ добиться прилежаніемъ извѣстной ловкости въ воспроизведеніи подробностей, будучи не способенъ управиться съ цѣлымъ. Въ примѣръ такому положенію Горацій приводитъ второстепенныхъ скульпторовъ и литейщиковъ, мастерскія и лавки которыхъ находились близъ форума около гладіаторской школы, носившей имя своего основателя М. Эмилія Лепида.

Ст. 35. Казалось бы все хорошо; есть и прилежаніе и извѣстная доля искусства, да нѣтъ бездѣлицы—таланта, и выходитъ также безобразно какъ въ остальныхъ чертахъ красивое лицо, съ покривившимся носомъ.

Ст. 45. Такъ критически обращается поэтъ съ новымъ своимъ пѣснопѣніемъ, пока оно окончательно не появилось въ свѣтъ. *Обѣщаннымъ* называетъ его Горацій въ томъ смыслѣ, что публика давно

Пишущіе! Выбирайте предметъ соотвѣтственный вашимъ
Силамъ, и тщательно взвѣсьте чего не подымутъ, что смогутъ
Плечи поднять. У того кто выбралъ посильное дѣло,
Хватитъ всегда выраженій и будетъ порядокъ и ясность.
Сила порядка въ томъ и краса (или ошибаюсь)
Чтобы вотъ здѣсь и сказать, что здѣсь сказать было нужно.
Многое, разобравъ, въ настоящее время отложитъ,
Тамъ предпочтетъ, здѣсь отвергнетъ, творецъ обѣщанной пѣсни.
Тонко и точно связуя слова ты понравиться можешь,
Если сумѣешь придать новизну извѣстному слову
Ловкимъ сопоставленьемъ. Но если для новыхъ понятій
Необходимость укажетъ найти небывалое слово:
Да позволено будетъ и то, что не слыхано было

знаетъ о новомъ, хотя еще не появившемся произведеніи извѣстнаго стихотворца, какъ это напримѣръ было съ Энеидой. Въ такомъ случаѣ поэтъ какъ бы въ долгу у публики и долженъ сдержать обѣщаніе.

Ст. 51. Подъ именемъ Цетеговъ, происходившихъ отъ славной древней фамиліи Корнеліевъ, поэтъ подразумѣваетъ древнихъ писателей и ораторовъ, вообще древнихъ Римлянъ, имѣвшихъ обычай особенно на войнѣ препоясывать грудь фартукомъ, сходившимъ ниже колѣнъ.

У Цетегъ препоясанныхъ, скромно ввести въ обращенье.
Къ новымъ, недавно — введеннымъ словамъ окажутъ довѣрье,
Если въ нихъ греческій строй слегка измѣненъ. Почему же
Римлянинъ Плавту съ Цециліемъ то позволялъ, въ чемъ откажетъ
Варію или Виргилію? Чѣмъ заслужу я немилость
Вмалѣ трудясь, коль языкъ Катона и Эннія многимъ
Обогащалъ отцовскую рѣчь, находя для предметовъ
Новыя имена? Дозволено было и будетъ

Ст. 53. Такихъ греческихъ и вообще иностранныхъ словъ съ обрусѣвшими окончаніями у насъ набрался цѣлый словарь, безъ особаго разрѣшенія Горація. За то какую ловкость и быстроту сообщилъ самъ Горацій и другіе римскіе поэты родному языку, вводя въ него греческіе обороты!

Ст. 54. Плавтъ и Цецилій Стацій, оба старинные творцы комедій, тогда какъ Варій и Виргилій являются представителями современности. Если что признавалось справедливымъ и законнымъ въ старину, то почему же не быть ему такимъ же и въ настоящее время?

Ст. 56. М. Порцій Катонъ, бывшій цензоръ, одинъ изъ величайшихъ мужей древняго Рима, даже въ преклонныхъ лѣтахъ писалъ о различныхъ предметахъ, напримѣръ о земледѣліи, для чего принужденъ былъ создавать не существовавшія до того выраженія, обогащая такимъ образомъ рѣчь отцовъ. Энній—древній эпическій поэтъ.

Слово вводить зачеканивъ его современной печатью.
Какъ мѣняются листья въ лѣсу съ отживающимъ годомъ,
Старые падаютъ: такъ и слова отжившія гибнутъ,
А порожденныя вновь—зацвѣтаютъ какъ юноши силой.
Смерти подвластны и мы и все наше: Нептунъ ли проникнулъ
Въ землю, чтобы укрыть корабли отъ крылъ Аквилона,—
Царственный трудъ; пришлось ли болоту доступному весламъ
И безплодному,—вдругъ питать города и пахаться;
Или рѣка, съ вредоноснымъ для нивъ направленьемъ сыскала
Лучшій прежняго путь,—созданья смертныхъ погибнутъ.

Ст. 59. Сравненіе взятое съ монеты, чеканъ которой всегда носитъ признаки своего времени, равнымъ образомъ и новое слово неминуемо отражаетъ характеръ и оттѣнки вновь сложившагося понятія.

Ст. 63. Говоря о смертности и недолговѣчности всего человѣческаго, Горацій словомъ Нептунъ намекаетъ на одну изъ блистательнѣйшихъ работъ Августа или, лучше сказать, Агриппы, который въ 717 году, соединивъ каналами Аверское озеро съ Лукринскимъ и послѣднее съ моремъ, образовалъ такимъ образомъ превосходную гавань, славившуюся въ Италіи подъ именемъ Юліанской,—въ честь Юлія Цезаря.

Ст. 68. Говоря объ этой гавани Горацій прибавляетъ: „созданія

Гдѣ же тутъ въ вѣчной чести однимъ рѣчамъ красоваться?
Много отживившихъ словъ возрождаются снова, а тѣ, что
Нынѣ въ почетѣ, погибнутъ, если захочетъ обычай.
Этотъ полнѣйшій судья законовъ и правилъ реченій.
Тотъ размѣръ, которымъ описывать мрачныя войны.
Или дѣянья царей и героевъ,—указанъ Гомеромъ.
Жалоба прежде всего выражалась неравнымъ двустишьемъ.
Ввѣрилась послѣ ему и молитвы услышанной радость.
Кто же былъ первымъ создателемъ краткихъ элегій, объ этомъ
Между собою грамматики спорятъ — и споръ не оконченъ.

смертныхъ погибнутъ„. Пророчество поэта сбылось въ 1538 году. Землетрясеніе превратило Лукринское озеро въ болото заросшее тростникомъ.

Ст. 74. Эпическій гекзаметръ.

Ст. 75. Горацій, относительно происхожденія элегіи, придерживается мнѣнія Аттиковъ, согласно которому, элегія первоначально выражала только жалобу; и только въ послѣдствіи стала выражать всѣ нѣжныя чувства, хотя бы и радостныя, самобытнымъ и сладостнымъ размѣромъ гекзаметра перемежающагося съ пентаметромъ. Краткою названа элегія, не столько сравнительно съ большимъ объемомъ, сколько по отношенію къ высокому строю эпоса.

Яростный гнѣвъ снабдилъ Архилоха оружіемъ ямба,
Тѣже стопы годились для сокковъ и важныхъ котурновъ,
Нить вести разговоровъ удобны—и въ шумѣ народномъ
Слышными быть, сродны вполнѣ для сценическихъ дѣйствій.
Муза судила струнамъ воспѣвать боговъ и героевъ,
И кулачныхъ бойцовъ, къ ней на ристалищѣ первыхъ.
Да зазнобу влюбленныхъ и откровенныя вина.
Если ни правилъ я ни оттѣнковъ въ извѣстномъ твореньи
Не удержу и не знаю, за что же и слыть мнѣ поэтомъ?
Долженъ ли ложный мой стыдъ предпочесть незнанье—ученью?

Ст. 79. Изобрѣтателемъ ямбическаго размѣра и безпощаднаго рода сатиры, получившей названіе ямбовъ, считается Архилохъ. Безпощадными названы его ямбы вслѣдствіе преданія, по которому Ѳиванецъ Ликамбъ обѣщалъ Архилоху руку дочери своей Необулы, но не сдержавъ слова, подвергся жестокимъ сатирамъ поэта. Преданіе продолжаетъ, что Ликамбъ, преслѣдуемый ямбами, повѣсился вмѣстѣ съ своими дочерьми.

Ст. 80. Сокки и котурны стоятъ вмѣсто комедіи и трагедіи. Сокки—низкіе башмаки для комическихъ актеровъ: котурны высокіе пурпурнаго цвѣта полусапожки для трагическихъ актеровъ. Ихъ носили на очень высокихъ подошвахъ, чтобы на сколько возможно увеличить ростъ полубоговъ и героевъ.

Ст. 83. *Струнамъ*, т.-е. лирическому роду поэзіи.

Ст. 88. Стыдно пускаться въ плясъ не умѣлому, но учиться плясать не стыдно.

Стихъ трагедій нейдетъ къ изложенью комической вещи,
Оскорбительно такъ же, коль станутъ будничнымъ строемъ,
Только сокковъ достойнымъ, вѣщать про трапезу Тіеста;
Все должно сохранять урочное мѣсто пристойно.
Но иногда и комедія голосъ свой возвышаетъ
И прогнѣванной Хремъ бранится напыщеннымъ слогомъ,
Да и въ трагедіи часто будничной сѣтуютъ рѣчью.
Телефъ или Пелей, являясь изгнанникомъ бѣднымъ,
Не допускаетъ словъ двухаршинныхъ пышнаго строю,
Если желаетъ сердца у зрителей жалобой тронуть.

Ст. 91. Трапеза Тіеста часто служила содержаніемъ для трагическихъ писателей, равно какъ и всѣ Танталиды. Тіестъ, сынъ Пелопса, прижилъ дѣтей съ женою брата своего Атрея, который за пиршествомъ изъ мести накормилъ этими дѣтьми своего брата и ихъ отца Тіеста.

Ст. 94. Въ комедіи Теренція Хремъ осыпаетъ ругательствами сына своего Клитифона, за расточительность въ отношеніи къ любовницѣ.

Ст. 96. *Телефъ* сынъ Иракла, раненый копьемъ Ахиллеса, могъ только отъ него и получить исцѣленіе и вынужденъ былъ съ этою цѣлію предпринять странствіе изъ Мизіи въ Элладу. *Пелей*, отецъ Ахиллеса, въ юности въ сообществѣ брата своего Теламона, убилъ своднаго брата своего Фоку, за что оба изгнаны отцемъ изъ родины (Эгины).

Мало стихамъ быть красивыми, быть имъ сладкими должно
И у слушателей по прихоти править сердцами.
Какъ отвѣчаютъ улыбкой на смѣхъ, такъ съ плачущимъ плачутъ
Лица людей: если хочешь, чтобъ я заплакалъ, то прежде
Самъ загорюй; тогда и я раздѣлю твое горе,
Телефъ или Пелей! а дурно роль ты исполнишь,
Или засну или буду смѣяться! Рѣчи печали
Съ грустнымъ совмѣстны лицомъ, съ раздраженнымъ рѣчи угрозы,
Шутки приличны веселому, строгому важное слово.
Ибо природа сперва готовитъ насъ внутренно къ каждой
Перемѣнѣ судебъ: веселитъ иль на гнѣвъ вызываетъ,
Или великою скорбью томитъ, къ землѣ преклоняя;
Вслѣдъ затѣмъ состоянье души языкомъ выражаетъ.
Если въ разрѣзъ съ положеніемъ рѣчь поведетъ говорящій,
Римскіе всадники и пѣхотинцы хохотъ подымутъ.

Ст. 113. Горацій преднамѣренно противуполагаетъ почетному выраженію «всадники» у Плавта заимствованное комическое слово: pedites пѣхотинцы, вмѣсто: «простонародіе».

Разница выйдетъ большая, богъ говоритъ ли, герой ли,
Старецъ преклонный, иль юноша, полный цвѣтущаго пылу,
Гордая въ домѣ матрона, иль скромно прилежная няня,
Всюду бывалый купецъ, земледѣлъ зеленѣющей нивы,
Ассиріецъ или Колхіецъ, сынъ Ѳивъ иль Аргоса.
Или слѣдуй преданью, иль выдумай самъ, только складно.
Если желаешь, писатель! ты славнаго вызвать Ахилла,—
Безусталый и пылкій, неумолимый и рѣзкій,
Пусть отвергая законы, онъ все присвояетъ оружью.
Пусть Медея жестока, строптива, Ино печальна,

Ст. 114. Хотя въ тщательно пересмотрѣнномъ по Бонду парижскомъ изданіи 1855 года, и стоитъ: Davusne loquatur «Давъ говоритъ ли» — но мы въ нашемъ переводѣ рѣшились послѣдовать тексту Ореллія предлагающаго читать: divusne loquatur, „богъ говоритъ ли“. по слѣдующимъ соображеніямъ: Горацій только что говорилъ о трагедіи, и какъ-то странно вдругъ увидать имя комическаго слуги Дава, тѣмъ болѣе, что это же самое имя повторяется въ ст. 237 нашего письма. Несогласные съ нашимъ чтеніемъ, могутъ по желанію замѣнить слово: „*богъ*“ словомъ „*Давъ*“, благо русскій стихъ также мало страдаетъ отъ этого варіянта.

Ст. 118. Изнѣженный Ассиріецъ въ противоположность суровому Колхійцу.

Ст. 120. Выводя многоразличные сюжеты для трагедій, Горацій съ обычною быстротой и ловкостью надѣляетъ извѣстныя имена типи-

Іо безпомощна, грустенъ Орестъ, Иксіонъ вѣроломенъ.
Ежели ты небывалое ставишь на сцену, рѣшаясь
Новое вывесть лицо, пускай до конца оно будетъ
Тѣмъ, чѣмъ явилось сначала, и вѣрнымъ себѣ остается.
Трудно по своему выразить общее, съ большимъ успѣхомъ
Можешь ты пѣснь Иліады разбить на акты, чѣмъ вывесть
То впервые, о чемъ никто не слыхалъ и не знаетъ.
Обще-извѣстный предметъ твоимъ достояніемъ станетъ,
Если въ пошломъ и низкомъ кругу не будешь вращаться:

ческими эпитетами. Нечего говорить, какъ вѣрно намѣченъ характеръ Ахилла. Говоря о Медеѣ Горацій, вѣроятно, имѣлъ въ виду трагедію Эврипида, гдѣ она обрисована такою. *Ино*, дочь Кадма отъ преслѣдованій мужа своего Атама бросилась вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Мелицертомъ въ море. Жрица Іо, любовница Зевеса, превращенная въ корову, не могла укрыться отъ уязвленія овода, напущеннаго на нее Герой. Иксіонъ, царь Лапитовъ, убійца тестя своего Деіопея, дерзнувшій оскорбить своимъ искательствомъ Геру, казнится за это въ царствѣ тѣней на огненномъ колесѣ.

Ст. 128. Указавъ на необходимыя условія самобытнаго творчества, Горацій ставитъ на видъ драматическому писателю въ свою очередь затрудненія на пути воспроизведенія общеизвѣстныхъ типовъ, если только авторъ, не ограничиваясь пошлымъ и рабскимъ подражаніемъ, захочетъ выразить свой личный взглядъ на извѣстныя лица или событія.

Ст. 132. Подъ словомъ: „*кругъ*", Горацій, намекая на избитую, изъѣзженную арену цирка, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду мало

Ежели, какъ переводчикъ, не станешь ты слово за словомъ
Передавать, и не влѣзешь въ такую трущобу, откуда
Вытащить ногъ или стыдъ не позволитъ, иль смыслъ сочиненья.
Не начинай ты такъ, какъ поэтъ циклическій началъ:
„Участь Пріама пою и жребій войны благородной".
Чѣмъ хвастунъ оправдаетъ—такой притязательный возгласъ?
Горы томятся родами и мышь смѣшная родится.
Сколь безупречнѣе тотъ, что безъ всякой неловкости началъ:
„Мужа мнѣ, Муза, воспой, который, по взятіи Трои
Многихъ народовъ видалъ города и нравы извѣдалъ".

способныхъ циклическихъ поэтовъ, бездарно исчерпывавшихъ преданія извѣстнаго круга: троянской войны, Одиссеи и т. п. Горацій именно совѣтуетъ предоставлять фантазіи большую свободу и не стѣсняться этимъ ,,*кругомъ*'' (orbis cyclicus) изъ опасенія дойти до несообразностей, изъ которыхъ даже стыдно будетъ выбираться на торную дорогу.

Ст. 136. Поэтъ долженъ быть остороженъ и скроменъ въ обѣщаніяхъ. Примѣромъ противнаго служитъ заносчивый циклическій поэтъ, котораго Горацій клеймитъ стихомъ, о горѣ родившей мышь, вошедшимъ въ пословицу.

Ст. 141. Три первые стиха Одиссеи Горацій переводитъ двумя стихами.

Не изъ пламени дымъ, а изъ дыма свѣтъ онъ замыслилъ
Вызвать, чтобы затѣмъ выводить знаменитыя дива:
Антифата и Сциллу и рядомъ съ Циклопомъ Харибду.
Не начинаетъ онъ пѣть возвратъ Діомеда со смерти
Мелеагра, иль съ пары—яицъ троянскія битвы.
Вѣчно къ развязкѣ спѣша, онъ слушателя увлекаетъ
Въ середину событій, какъ бы ужь знакомаго съ дѣломъ,
Тоже въ чемъ не надѣется блеску добиться, обходитъ;
И сочиняетъ такъ, мѣшая съ правдой неправду,
Чтобъ середина съ началомъ, конецъ съ серединой вязались.

Ст. 143. Гомеръ, подобно природѣ, переходитъ отъ менѣе яркихъ явленій къ болѣе рѣзкимъ и выдающимся. *Антифатъ*, царь людоѣдовъ Лестригоновъ. Одиссея X, 106.

Ст. 146. Мелеагръ братъ Тидея, отца Діомеда, трагически погибъ отъ руки матери Алтеи. По свидѣтельству схоліаста, циклическій поэтъ Антимахъ началъ свое повѣствованіе со смерти Мелеагра и такимъ образомъ растянулъ оное до уродства. Гомеръ не начинаетъ своей поэмы и со дня рожденія виновницы войны Елены происшедшей вмѣстѣ съ Клитемнестрой изъ одного изъ парныхъ яицъ Леды, тогда какъ братья ихъ Касторъ и Полидевкъ вышли изъ другаго.

Ст. 150. Нельзя не указать всѣмъ художникамъ на это капитальное замѣчаніе Горація. Только для бездарности все кажется одинаково легко. Для невѣжды какая нибудь крапива дрянь и только ботаникъ-мыслитель видитъ ея красоту и неизъяснимую тайну ея жизни.

Слушай теперь, чего я и народъ со мною желаемъ:
Если ты хочешь, чтобъ зрители ждали спуска завѣсы,
И сидѣли, пока имъ пѣвецъ: „похлопайте"—скажетъ,
То ты каждаго возраста нравы долженъ отмѣтить
И подвижныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ сохранять выраженья.
Мальчикъ, который ужъ можетъ слова повторять и надежно
На ноги сталъ,—радъ играть со сверстниками и мгновенно
То вспылить, то смириться готовъ, мѣняясь всечасно.
Безбородый юноша, вырвавшисѣ изъ подъ надзора,
Любитъ коней и собакъ и яркое Марсово поле;
Мягокъ какъ воскъ на худое, строптивъ ко всѣмъ увѣщаньямъ,

Ст. 154. При концѣ дѣйствія (акта) сцена отдѣлялась отъ зрителей занавѣсомъ (aulaeum) ,,который не спускался, а поднимался снизу вверхъ. Если піеса не нравилась, то зрители удалялись; въ противномъ же случаѣ ожидали спуска занавѣса, т.-е. начала слѣдующаго акта.

Ст. 155. Нынѣшняя декламація актеровъ была у древнихъ пѣніемъ подъ звукъ инструмента и пѣвецъ-актеръ кончившій роль свою, просилъ у зрителей рукоплесканій.

Ст. 156—178. Истинно мастерская характеристика различныхъ возрастовъ человѣка можетъ служить нагляднѣйшимъ примѣромъ вѣчности искусства. 2000 лѣтъ какъ не бывало! все до малѣйшей

Поздно полезное онъ предвидитъ; деньги бросаетъ.
Рьянъ и заносчивъ, легко покидаетъ онъ то, что полюбитъ.
Совершенно напротивъ и духъ и возрастъ мужчины
Заставляетъ искать богатства, связей и почета,
Избѣгая всего, что трудно мѣнять будетъ послѣ.
Много вкругъ старца заботъ собирается, иль потому что
Онъ все ищетъ богатствъ, а найдя боится ихъ трогать,
Иль потому что всѣмъ боязливо и холодно правитъ,
Все отлагаетъ, надѣется, вѣкъ припасая въ грядущемъ.
Строгій, строптивый, онъ хвалитъ минувшіе годы, когда онъ
Мальчикомъ былъ,—и затѣмъ молодежь разбираетъ и судитъ.
Много съ собою удобствъ лѣта, прибывая, приносятъ,
Много уносятъ, начавъ убывать. Чтобъ юношѣ роли

подробности вѣрно и теперь, и останется такимъ пока будутъ существовать люди.

Ст. 175. „Лѣта прибываютъ, говоритъ схоліастъ до 46-го года человѣческой жизни; съ этого времени они начинаютъ убывать“. Такое сравненіе взято очевидно съ прибавленія и уменьшенія дней въ годичномъ обращеніи. Отсюда и французскій оборотъ: un homme sur son retour.

Старца порою не дать, иль мальчику роли мужчины,
Будемъ держаться всегда сообразнаго съ возрастомъ каждымъ.
Сцена выводитъ событія или о нихъ повѣствуетъ.
Трогаетъ душу слабѣе, что пріемлется слухомъ,
Чѣмъ все то, что видя глазами вѣрными, зритель
Самъ себѣ сообщаетъ. Но что прекрасно за сценой
Тамъ и оставь; скрыть долженъ отъ глазъ ты много такого,
Что очевидецъ событій разскажетъ съ полною силой.
Пусть Медея не губитъ дѣтей предъ глазами народа,
И преступный Атрей не варитъ человѣческихъ членовъ,
Не превращается Прокна въ птицу и Кадмъ во дракона.
Хоть покажи ты мнѣ все, — отвернусь, — и тебѣ не повѣрю.

Ст. 179. Правило для употребленія двойственнаго элемента драмы, нагляднаго дѣйствія и разсказа. Не должно выводить на сцену тривіальнаго и возмутительнаго.

Ст. 185. Медея, мстя невѣрному Язону, убила двухъ своихъ дѣтей (Меда и Мермера).

Ст. 186. *Атрей* см. пр. къ ст. 91.

Ст. 187. Прокна и Филомела дочери Аѳинскаго царя Пандіона. Филомела пожелала навѣстить сестру свою Прокну, бывшую замужемъ за Ѳракійскимъ царемъ Тереемъ. Терей, взявшійся проводить невѣстку, дорогой обезчестилъ ее и отрѣзалъ ей языкъ. Когда преступленіе открылось, то боги превратили Терея въ удода, Филоме-

Пусть сочиненье не меньше пяти и не больше содержитъ
Дѣйствій, ежели хочешь, чтобъ вновь его видѣть желали,
Пусть не является Богъ, коль къ тому не приводитъ развязка,
И лицо четвертое пусть въ разговоръ не встрѣваетъ;
Въ дѣйствіи мѣсто актера съ достоинствомъ пусть заступаетъ
Хоръ,—и чего либо отнюдь не поетъ среди акта,
Что не ведетъ къ предназначенной цѣли и чуждо по смыслу.
Пусть благосклонно и дружески добрымъ дастъ онъ совѣты;
Гнѣвныхъ склоняетъ на миръ и любитъ отъ злаго бѣгущихъ.
Пусть восхваляетъ умѣренный столъ, правосудье благое,

лу въ соловья, а Прокну въ ласточку. Поэты смѣшиваютъ превращенія сестеръ, замѣняя одну другою. Кадмъ съ женою Гармоніей, превращенный въ дракона или змѣя. Два послѣднія превращенія могутъ выйдти на сценѣ только балаганнымъ фарсомъ.

Ст. 189. Естественно-художественный размѣръ драмы: 5 актовъ: „*Deus ex machina*“ долженъ появляться только вслѣдствіе внутреннихъ законовъ дѣйствія. На сценѣ не должно быть разомъ болѣе трехъ говорящихъ лицъ. Мѣсто четвертаго лица занимаетъ хоръ, который не долженъ пѣть ничего, не идущаго къ дѣлу. Прелестное указаніе на высокое призваніе жтрически-религіознаго хора.

Святость законовъ и общій покой при открытыхъ воротахъ,
Пусть онъ тайну хранитъ и пусть боговъ умоляетъ,
Чтобы счастье пришло къ бѣднякамъ, отвернувшись отъ гордыхъ.—
Флейта еще не была изукрашена бронзой, и звукомъ
Сходна съ трубой, на маленькой было и скважинъ не много,
Какъ назначалась она помогать и подыгрывать хорамъ,
Звуки свои разнося до не слишкомъ просторныхъ скамеекъ,
Гдѣ собирался народъ, числомъ пока не великій,
Благочестивый народъ, умѣренный въ пищѣ и скромный.
Послѣ когда раздвинулъ поля побѣдитель, — а городъ

Ст. 200. Который хотя и знаетъ будущій исходъ событій, тѣмъ не менѣе долженъ благоговѣйно хранить тайну и любовно относиться къ добрымъ угнетеннымъ.

Ст. 202. Хоръ и между дѣйствіями не покидалъ театра, а подъ звуки флейты (имѣвшей первоначально только четыре скважины) предавался съ пантомимами лирическому пѣнію, состоявшему изъ строфы, антистрофы и эподы.

Ст. 210. Такъ все велось скромно, въ строгихъ границахъ приличія, пока завоеванія не увеличили въ столицѣ массы населенія и богатствъ. Тутъ уже начался *прогрессъ* и какъ говоритъ схоліастъ: „ни нравы, ни законы уже не запрещали“—напиваться въ праздни-

Охватили просторной стѣной, и Генію въ праздникъ
Стали цѣлый день виномъ угождать невозбранно,—
То и для строя стиховъ настала большая вольность;
Чтоже иначе и понялъ бы пахарь невѣжда и праздный,
Тутъ сливаясь въ одно съ гражданиномъ,—низкій съ достойнымъ?
Такъ то искусству старинному придалъ движенье и роскошь
Флейтщикъ, влача за собою по сценѣ длинное платье.
Такъ наконецъ и суровыя струны возвысили голосъ
И вдохновенный полетъ прибѣгнулъ къ рѣчамъ небывалымъ,—
Полнымъ сочувствіемъ къ дѣлу добра и силой прозрѣнья

ки, (nec more jam nec lege id vetante), а люди стали невозбранно (impune) цѣлый день „домашнему генію виномъ угождать"—попросту: пьянствовать. Такая распущенность нравовъ отразилась и въ искусствѣ, которое стало угождать многочисленнымъ посѣтителямъ изъ необразованныхъ поселянъ.

Ст. 215. Роскошь нарядила и предводителя хоровъ—флейтщика въ длинное платье называвшееся Surma отъ συρειν—тащить.

Ст 219. Сколько бы мы согласно съ тѣми или другими комментаторами ни относили этихъ стиховъ къ греческой и римской драмѣ, это на наши глаза, мало объяснитъ ихъ прямую связь съ предыдущимъ. Мы истолковали себѣ эту связь слѣдующимъ образомъ. Упадокъ нравственно-соціальнаго элемента отразившійся въ драмѣ, выразился между прочимъ и въ туманныхъ стихахъ хора, которые Горацій иронически сравниваетъ съ изреченіями оракуловъ.

Въ будущемъ—почти подходя къ изреченьямъ Дельфійскимъ.
Кто за дряннаго козла состязался въ писаньи трагедій,
Сталъ выводить обнаженныхъ сельскихъ сатировъ на сцену
И сохраняя возвышенный строй, тяжелыя шутки
Отпускать, чтобъ такою пріятной завлечь новизною
Зрителя, отъ возліяній пришедшаго пьянымъ и буйнымъ.
Но болтливымъ сатирамъ съ ихъ насмѣшками должно

Ст. 220. Возвращаясь къ формѣ и обстановкѣ самой драмы, Горацій намекаетъ на древній обычай назначать преміей на состязаніяхъ драматическихъ поэтовъ — козла, откуда и самое названіе трагедія отъ τράγος—козелъ, и ᾠδή пѣснь; буквально: козлопѣніе. Желая ввести острую шутку, безъ вреда строгости трагедіи, поэты стали замѣнять обычный хоръ хороводомъ сельскихъ, полунагихъ, звѣриными шкурами прикрытыхъ сатировъ, предводительствуемыхъ Силеномъ. Грекамъ и Римлянамъ очень нравились подобныя піесы, которыми не брезгали и лучшіе писатели. *Циклопъ* Эврипида единственная до насъ дошедшая піеса въ этомъ родѣ и могущая намъ дать понятіе о томъ, о чемъ говоритъ Горацій.

Ст. 222. „*Тяжелыя шутки*" естественное прибѣжище писателя, разчитывающаго на сочувствіе пьяной и буйной публики.

Ст. 225. Допуская даже драму съ сатирами, Горацій увѣщеваетъ избѣгать двоякой крайности: чтобы величественное трагическое лицо не заговорило вдругъ низкимъ языкомъ подваловъ, этихъ гнѣздилищъ грязнаго разврата, или не пустилось въ безвоздушное пространство резонерскаго пустословія.

Такъ держаться и такъ примѣшивать къ важному шутки,
Чтобъ какой либо Богъ, иль герой, что недавно на сцену
Въ Царственно-золотой и пурпурной являлся одеждѣ,
Низкою рѣчью вдругъ не спустился до темныхъ подваловъ,
Иль возносясь подъ землей, не ловилъ облаковъ по пустому.
Легкихъ стиховъ болтовня трагедіи мало прилична.
Какъ въ хороводъ по приказу гражданкѣ на праздникъ идущей
Должно застѣнчиво ей выступать, межъ задорныхъ Сатировъ.
Будь писателемъ я Сатировъ, Пизоны! не сталъ бы
Я держаться однихъ только будничныхъ словъ и названій.

Ст. 231. Если трагедія и допустила въ себѣ элементъ легкомысленныхъ и задорныхъ сатировъ, то она все-таки не должна забывать своего достоинства. Мысль эту Горацій объясняетъ прелестнымъ сравненіемъ съ римскою матроной, которая даже будучи вынуждена приказаніемъ первосвященника вступить въ хороводъ (въ честь извѣстнаго празднества напримѣръ матери боговъ—Цибелы) будетъ сохранять достоинство движеній, въ отличіе отъ распущенныхъ танцовщицъ.

Ст. 234. Становясь на мѣсто драматическаго писателя, Горацій указываетъ Пизонамъ на необходимость строжайшаго вниманія къ тону, до мельчайшихъ подробностей.

И не настолько бъ старался трагическій сбросить оттѣнокъ,
Чтобъ различіе не было Давъ говорить ли и пройда
Пифія, что на цѣлый талантъ надула Симона,
Или Силенъ—прислужникъ и стражъ взлелѣявшій бога.
Общій предметъ бы воспѣлъ я, чтобъ каждый считалъ себя въ силахъ
Тоже исполнить, но долго потѣлъ бы трудясь понапрасну
Тожъ предпринявъ. Таково то значенье, порядка и строя,
Вотъ до какого почета доходитъ предметъ ежедневный!

Ст. 237. *Силенъ* такой-же слуга какъ и комическій *Давъ* и нахальная служанка *Пифія*, обманувшая своего господина, но онъ не можетъ говорить съ ними однимъ языкомъ, ибо не должно забывать, что онъ божественный прислужникъ Вакха.

Ст. 240. Въ томъ-то и состоитъ величайшая задача и тайна искусства, чтобы посредствомъ сочетаній отдѣльныхъ частей отыскать совершенство въ предметѣ, который своею простотою казался бы доступнымъ каждому. Но именно эта простота и составляетъ вѣчный камень преткновенія для непосвященныхъ.

Ст. 244. Лѣсные фавны или сатиры должны помнить, что безыскусственность ихъ мало имѣетъ общаго съ испорченною нравственностью городской черни и что имъ также не пристало любезничанье дурнаго тона, какъ и сквернословіе, не пріятное людямъ хорошаго общества.

Ст. 251. Торопливый ямбическій (◡—) ритмъ былъ причиной того, что Греки считали ямбическія стопы попарно въ шести-стоп-

Фавнамъ пришедшимъ изъ лѣсу, по моему должно страшиться
Сходства съ чернью живущей на перекресткахъ и рынкахъ:
Не болтать, молодясь, стиховъ слишкомъ приторно-нѣжныхъ,
Такъ же не раздражаться словами грязныхъ ругательствъ;
Этимъ тотъ, у кого состоянье, и предки, и конь есть
Оскорбится, и онъ, за то, чѣмъ любитель гороху,
Да каленыхъ орѣховъ плѣненъ,—не вѣнчаетъ поэта.
За короткимъ слогомъ долгій ямбомъ зовется, —
Быстрые стопы: поэтому былъ даже названъ триметромъ
Тотъ ямбическій стихъ, въ которомъ шесть слышно ударовъ.
Прежде равенъ вездѣ онъ шелъ до конца, но недавно,
Чтобы медлительнѣй съ большимъ достоинствомъ слуха касаться,

номъ стихѣ (senarius) и называли его: Τρίμετρος. Горацій или преднамѣренно ошибается или имѣетъ въ виду только римскихъ писателей, относя къ позднѣйшимъ временамъ употребленіе спондеевъ (— —) на нечетныхъ стопахъ драматическаго *триметра*. Далѣе онъ нападаетъ на римскихъ писателей Акція и Эннія за ихъ небрежную отдѣлку стиховъ, допускавшихъ спондеи даже на четныхъ стопахъ: второй и четвертой.

Далъ снисходительно онъ и любезно, стойкимъ спондеямъ
Отчій пріютъ у себя; но былъ не настолько любезенъ,
Чтобъ поступиться вторымъ иль четвертымъ мѣстомъ. И тутъ онъ
Въ благородныхъ триметрахъ у Акція слышенъ и Энній
Въ тяжеловѣсныхъ стихахъ, на сцену къ намъ брошенныхъ, тѣмъ же
Недостаткомъ успѣлъ заслужить обвиненье въ безпечной
Быстрой работѣ, иль даже въ незнаніи правилъ искусства.
Не благозвучность стиховъ разобрать въ состояньи не всякій,
И снисхожденье дается излишнее Римскимъ поэтамъ.
Стану-ль по этой причинѣ писать я неряшливо? или

Ст. 263. Сдѣлавъ справедливое замѣчаніе на счетъ трудности критики, даже въ такомъ внѣшнемъ дѣлѣ какъ стихосложеніе, Горацій укоряетъ современную публику въ излишней снисходительности къ римскимъ драматургамъ, прибавляя, что ни первое ни второе обстоятельство не могутъ служить поводомъ къ неряшливой небрежности для истиннаго художника. Высокими образцами вкуса для публики и поэтовъ Горацій выставляетъ Грековъ.

Ст. 270. Возвращаясь отъ Грековъ къ соотечественникамъ, Горацій какъ бы отъ имени ихъ спрашиваетъ: „почему же прежнія

Буду, спокоенъ вполнѣ, ожидать снисхожденья, хотя бы
Всѣ увидали ошибки мои? Избѣжавъ осужденья
Я не стяжалъ бы похвалъ. Старайтесь денно и нощно,
Не выпуская изъ рукъ, изучать созданія Грековъ.
Прадѣды наши однакожъ въ стихахъ у Плавта хвалили
Соль и пѣвучесть: дѣйствительно то и другое хвалили
По снисхожденью, чтобы не сказать по глупости если
Я какъ и вы различаемъ забавную шутку отъ грубой;
Также правильный стихъ и по пальцамъ сочтешь и услышишь.
Изобрѣтателемъ пѣсенъ безвѣстной, трагической музы

поколѣнія восхищались Плавтомъ, имѣющимъ всѣ недостатки, противъ которыхъ возстаетъ Горацій?" и самъ же отвѣчаетъ „по глупости". Здѣсь не мѣсто разбирать, въ какой мѣрѣ справедливъ Горацій къ Плавту.

Ст. 275. *Өесписъ* (при Пизистратѣ) является здѣсь представителемъ драматическаго искусства. Указаніе на эти телѣги встрѣчается только у Горація, вѣроятно приписавшаго Өеспису то, что бывало въ Аөинахъ на древнихъ празднествахъ Діонисія—Хояхъ (οἱ Χόες), во время которыхъ разъѣзжали на телѣгахъ и насмѣхались надъ встрѣчными. Къ этомъ шутникамъ относится (по свидѣтельству схоліаста къ *Арист. облакамъ*) и пачканье лицъ дрожжами. Өеспisъ напротивъ того употреблялъ бѣлила и наконецъ полотняныя маски.

Былъ говорятъ, Ѳесписъ, возившій театръ на телѣгахъ,
На которомъ играли, раскрасивъ лица дрожжами.
Послѣ него Эсхилъ епанчу и приличныя маски
Выдумалъ,—и сцену устроивъ на средственныхъ брусьяхъ,
Первый ввелъ и рѣчей возвышенный строй и котурны.
Вслѣдъ затѣмъ комедія древняя съ громкимъ успѣхомъ
Вышла на свѣтъ; но свободу свою довела до зазорной
Крайности, вызвавшей строгость закона. Законъ состоялся
И утратя возможность вредить, хоръ смолкнулъ постыдно
Въ каждомъ изъ этихъ родовъ, пытались и наши поэты

Эпитетъ: ,,*средственныя*—брусья'' указываетъ на небольшіе размѣры эсхиловой сцены.

Ст. 281. За Эсхиломъ явилась, во времена Перикла, старая комедія, но, сдѣлавшись цинически-нахальной (Аристофанъ), была запрещена закономъ. Въ появившейся за тѣмъ средней комедіи писателямъ позволялось только острить надъ собою и товарищами по искусству. Въ новой комедіи временъ Александра Великаго (въ которой отличались Менандръ и Филемонъ) уже нельзя было никого называть по имени и только дозволено было смѣяться надъ общими недостатками. Тутъ же исчезъ и хоръ, съ пѣніемъ и пляской на сценѣ.

Ст. 288. *Претекста*, верхняя одежда высшихъ сановниковъ,

И не мало явили заслугъ, осмѣлясь съ тропинки
Грековъ сойдти и воспѣть домашнія наши явленья
Кто подъ важной претекстой, а кто подъ гражданскою тогой.
Вѣрно Лаціумъ былъ бы не болѣе доблестью славенъ
И оружіемъ мощенъ, чѣмъ словомъ, еслибъ поэтовъ
Нашихъ такъ не пугалъ долговременный трудъ и подпилокъ.
Вы же потомки Помпилія! пѣснь отвергайте, которой
Не подвергали помаркамъ, усидчиво, долгое время
И съ прилежаньемъ разъ десять подъ ноготокъ не лощили.
Ради того, что искусство считалъ Демокритъ безпомощнымъ,
Предъ вдохновеньемъ, и гналъ съ Геликона трезвыхъ поэтовъ,
Много явилось такихъ, что ногтей не стригутъ и не брѣютъ

окаймленная пурпуромъ, здѣсь представительница героической трагедіи, въ противоположность гражданской *тогѣ*, представительницѣ комедіи.

Ст. 291. Выраженія указывающія на перво-образъ литейщика, тщательно сглаживающаго подпилкомъ первоначальныя шероховатости работы.

Ст. 292. Пизоны. См. вступленіе.

Ст. 294. Выраженіе взятое отъ пріема ваятеля, пробующаго ногтемъ на спаяхъ, довольно ли гладко одна часть соединена съ другой?

Ст. 295. *Демокритъ* учитъ, что талантъ, врожденная сила, небес-

Бороды, въ пустыню стремятся и въ баню не ходятъ.
Онъ увѣренъ добиться славы и званья поэта
Если своей головы, которой и три Антикиры
Не исцѣлятъ, не ввѣрялъ брадобрѣю Лицину. О горе
Мнѣ! что я ежегодно весной очищаюсь отъ желчи.
Лучше меня никто бы стиховъ не писалъ.—Да не стоитъ

ный даръ гораздо предпочтительнѣе (блаженнѣе) простаго искусства и несчастнаго въ немъ упражненія; что безъ нѣкотораго рода безумія т.-е. выспренняго полета воображенія (таково же мнѣніе Платона) никто не можетъ быть истиннымъ поэтомъ. (Хоть бы наши критиканы сообразили: кто это говоритъ?). Многіе изъ современныхъ Горацію риѳмачей, о которыхъ онъ здѣсь говоритъ двоякимъ образомъ, злоупотребляли воззрѣніе Демокрита, вообразивъ возможность замѣнить отсутствіе порывистаго таланта внутреннею и внѣшнею растрепанностію.

Ст 300. *Антикира* имя двухъ городовъ, одного въ Ѳессаліи, другаго въ Фокидѣ, славившихся произраставшею въ ихъ окрестностяхъ бѣлою) чемерицей (*Helleborus*), которою лѣчили отъ сумашествія Бездарный риѳмачъ воображаетъ себя поэтомъ потому только, что запустилъ длинные волосы на головѣ, до того безумной, что ея не излѣчитъ и тройной пріемъ чемерки.

Ст. 301. *Лицинъ*, вольноотпущенный брадобрѣй Цезаря, прославившійся богатствомъ и заслужившій во время гражданскихъ войнъ, враждой къ Помпею, званіе сенатора. Надо однакоже предполагать, что упоминаемый здѣсь Лицинъ только соименникъ перваго.

Ст. 302. Иронически примѣняя систему геніальнаго неряшества къ себѣ, Горацій какъ бы спохватывается, сколько геніальности утратили его стихи отъ принятаго имъ обычая приводить въ порядокъ свой организмъ весною пріемами очистительнаго.

Думать объ этомъ. И такъ уподоблюсь бруску, что пригоденъ
Только желѣзо точить, а самъ ничего не разрѣжетъ.
Всякому, самъ ничего не писавши, указывать стану
Гдѣ содержанья искать, въ чемъ пища и сила поэта,
Что прилично, что нѣтъ; гдѣ доблесть и гдѣ заблужденье.
Правильно хочешь писать,—старайся правильно мыслить:
Это дѣло тебѣ уяснитъ Сократова школа,
А за предметомъ обдуманнымъ рѣчи послѣдуютъ сами.
Кто позналъ, чѣмъ отечеству онъ обязанъ, чѣмъ другу,
Какъ подобаетъ любить отца, какъ брата и гостя,
Въ чемъ призванье сената, въ чемъ дѣло судьи, въ чемъ задача
Полководца въ походъ идущаго,—тотъ безъ сомнѣнья

Ст. 305. Дѣлаясь, въ силу своей задачи, временнымъ критикомъ, Горацій не можетъ воздержаться, чтобы не подтрунить надъ этимъ ремесломъ.

Ст. 309. Чтобы здраво писать, надо прежде всего здраво смотрѣть на вещи, и для этого Горацій совѣтуетъ изучать практическую философію Сократовой школы. Произведенія этихъ философовъ, писанныя въ формѣ діалоговъ, могутъ служить образцами не только здравомыслія, но и драматическаго искусства въ обрисовкѣ личностей.

Ст. 319—322. Мы прешли бы молчаніемъ эти стихи, еслибы сло-

Каждой роли придать соотвѣтственный образъ съумѣетъ.
Я подражателю умному далъ бы совѣтъ, обратиться
Къ нравамъ и жизни и въ нихъ почерпать выраженья живыя.
Часто мѣстами красивая, вѣрная въ очеркахъ нравовъ,
Но лишенная граціи вещь, безъ искусства и силы,
Больше плѣняетъ народъ и лучше его привлекаетъ,
Чѣмъ пустые стихи, съ громозвучною ихъ болтовнею.

во: „*часто*“ (*interdum*), которымъ они начинаются, въ связи съ послѣдующимъ не представляли повода предположить, что Горацій говоритъ если не безсмыслицу, то плоскость. Что же въ самомъ дѣлѣ удивительнаго, что болтовня пустыхъ стиховъ „*часто*“ меньше нравится произведеній, имѣющихъ безспорныя достоинства? Не *часто*“ а *всегда*. Но взявъ въ соображеніе, что Горацій вездѣ летитъ, сознавая, что поэзія, лишь только остановится—проваливается въ прозу, мы найдемъ въ этихъ стихахъ указанія тончайшаго художника. Вотъ ихъ смыслъ: пустозвучные стихи не имѣютъ никакого значенія, но *часто* вниманіе публики увлечено драматическимъ произведеніемъ, имѣющимъ только внѣшніе признаки истинно-художественной вещи. Грація и красота не чувствуются въ цѣломъ, не властвуютъ имъ, а проступаютъ мѣстами, какъ бы пятнами, и художникъ не понимая этого первѣйшаго требованія искусства воображаетъ что сдѣлалъ все, достигнувъ дагеротипической вѣрности нравовъ. Какъ не сказать и тутъ, что Горацій словно мѣтитъ этимъ камнемъ въ огородъ нашей, такъ-называемой, натуральной школы.

Ст. 323. Греки такъ высоко стояли въ искусствѣ только потому что искали одной славы, не помышляя о пользѣ, которая пришла къ нимъ сама.

Грекамъ творческій духъ, Грекамъ муза судила
Дать округленную рѣчь за стремленье ихъ вѣчное къ славѣ.
Римскіе мальчики учатся въ длинныхъ своихъ вычисленьяхъ
Ассъ раскладывать на сто частей. Сынишка Альбина
Пусть сочтетъ: „коль одну двѣнадцатую мы отымемъ
Отъ пяти двѣнадцатыхъ, многоль въ остаткѣ?— треть.“—Славно!
Будешь богатъ.—А прибавь одну двѣнадцатыхъ, много—ль
Станетъ? Полъ — асса. Когда подобная алчность стяжанья

Ст. 325. Какую противуположность съ этимъ высокимъ строемъ жизни представляетъ плебейски-утилитарное воспитаніе римскаго юношества! Употребительнѣйшая римская монета *ассъ* была первоначально фунтовою мѣдною пластинкою, заключавшею двѣнадцать унцій. Шестая часть Асса называлась: (*Sextans*) и содержала въ себѣ два унца. Во второй пуннической войнѣ стали чеканить ассы только въ унцъ, а по окончаніи этихъ войнъ только въ полъ-унца вѣсомъ: (*semi-unciales*). Такимъ образомъ отношеніе первоначальнаго *асса* къ послѣдующимъ стало=1:24, части *асса*, какъ вѣса и монеты были; *sextans* въ 2 унца; *triens*—треть; *quadrans*—четверть; Semissis—полъ-*асса*. Преувеличенно говоря о раздробленіи асса на 100 частей, Горацій указываетъ на мельчайшіе разсчеты съ дробями. Удивительно въ отвѣтахъ сына мѣнялы Альбина не то, что онъ, подобно другимъ мальчикамъ, разрѣшаетъ задачи, но что онъ мгновенно находитъ соотвѣтственныя техническія выраженія: *tries*, *semis*.

Ст. 330. Возможно ли при подобномъ тривіально-утилитарномъ направленіи воспитанія, ожидать пѣснопѣній, достойныхъ сохра-

Въѣлась въ души, возможно ли ждать пѣснопѣній, достойныхъ
Въ маслѣ кедровомъ лежать, хранясь въ кипарисной шкатулкѣ?
Доставлять наслажденье иль пользу желаютъ поэты,
Иль воспѣвать заодно отрадное въ жизни съ полезнымъ.
Если чему наставляешь, будь кратокъ, чтобъ скорое слово
Въ свѣжей душѣ принялось и въ ней сохранялося вѣрно.
Все излишнее выльется изъ переполненной груди.
Вымыслъ, желающій нравиться, долженъ правдѣ быть близокъ,
И, не требуя вѣры всему,—не таскать изъ утробы
Ламіи съѣденныхъ ею дѣтей невредимо живыми.

няться для потомковъ въ рукописяхъ, которыя въ огражденіе отъ моли напитывались кедровымъ масломъ или укладывались въ кипарисныя шкатулки?

Ст. 333. Подъ именемъ „*пользы*“ Горацій преимущественно разумѣетъ тѣ общія, высоконравственныя изреченія, которыми блистала древняя драма и которыя были только слѣдствіемъ ея высокаго строя и внутренняго богатства, а ни какъ не цѣлью. (Тоже у Шекспира).

Ст. 337. „Изъ переполненной груди“ слушателя.

Ст. 340. *Ламія* была у древнихъ нѣчто въ родѣ бабы-яги, и глотала непослушныхъ дѣтей. Вѣроятно сочинитель какого-нибудь фарса дозволилъ себѣ неприличную и несообразную сцену, въ которой съѣденный Ламіей ребенокъ снова вытаскивается живымъ изъ ея утробы.

Кругъ почтенныхъ людей. отвергаетъ безплодныя сцены.
Юный всадникъ не слушаетъ тѣхъ, гдѣ есть поученье
Всѣ голоса за того, кто слилъ наслажденіе съ пользой,
Кто занимая читателя тутъ-же его наставляетъ.
Книга такая дастъ Созіямъ денегъ, уйдетъ черезъ море
И на долгіе вѣки прославитъ имя поэта.
Есть однако ошибки, которымъ прощать мы готовы;
Вѣдь не всегда и струна послушна желанью и пальцамъ:
Звука низкаго ждешь, а она забираетъ повыше.
Да и лукъ не всегда попадаетъ туда, куда мѣтилъ.

Ст. 343. Вошелъ въ пословицу.

Ст. 345. Такое сочиненіе принесетъ барышъ книгопродавцамъ (*Созіямъ*), распространится по заморскимъ провинціямъ и обезсмертитъ поэта.

Ст. 347. Мысль о погрѣшимости человѣческой Горацій разъясняетъ примѣрами искуснаго китареда или стрѣлка, но тотчасъ же спѣшитъ оговориться, что китаредъ, вѣчно ошибающійся, напоминаетъ несчастнаго *Херила*, про котораго схоліастъ разказываетъ слѣдующее: „Херилъ, воспѣвая дѣянія Александра, написалъ только семь порядочныхъ стиховъ; говорятъ будто Александръ сказалъ ему, что предпочелъ бы быть Ѳирситомъ Гомера, чѣмъ его Ахилломъ. Когда Александръ уговорился съ нимъ, чтобы онъ, за каждый хорошій стихъ получалъ по золотому, а за дурной по удару кулакомъ, то онъ вслѣдствіе множества дурныхъ стиховъ былъ до смерти забитъ клауками.

Если большая часть творенья блестяща, къ чему мнѣ
Малыхъ пятенъ искать, небрежностью только разлитыхъ
Иль неизбѣжныхъ въ природѣ людской? Къ чему же мы сводимъ?
Какъ виноватъ переписчикъ, который не разъ исправляетъ,
Въ ту же впадаетъ прогрѣшность, какъ китаредъ намъ забавенъ,
Вѣчно на той же струнѣ берущій туже ошибку,
Такъ всегда неисправный по моему сходенъ съ Хериломъ,
У котораго двѣ, три красы только смѣхъ возбуждаютъ.
Мнѣ досадно не меньше, когда и Гомеръ позадремлетъ.
Но сочиненье огромное вправѣ склонять и къ дремотѣ.
Стихотворенье подобно картинѣ: чѣмъ ближе къ иной ты
Тѣмъ она нравится больше; другая же издали лучше.

Ст. 359. Длинноты скучны и у безукоризненнаго Гомера котораго оправдываетъ громадность его труда.

Ст. 366. Старшій изъ молодыхъ Пизоновъ.

Ст. 371. Посредственный ораторъ никогда не сдѣлается Мессалой. М. Валерій Мессала Корвинъ, покровитель Тибулла, блиставшій краснорѣчіемъ; а посредственный законовѣдъ не будетъ Авломъ Касцелліемъ (уже въ 712 году славнымъ юристомъ); но этого отъ нихъ никто и не требуетъ.

Этой выгодна тѣнь, а эта при свѣтѣ показнѣй,
И не боится она знатока испытающихъ взоровъ;
Та понравится разъ, а эта понравится десять.
Даромъ, что голосъ отца тебя, о старшій изъ братьевъ!
Къ правдѣ ведетъ, да и самъ ты все видишь, старайся припомнить
Что я скажу: въ иныхъ вещахъ посредственно—сноснымъ
Быть допускается.—Ежели законовѣдъ или стряпчій
Изъ посредственныхъ даромъ слова не можетъ сравниться
Съ Мессалой, а богатствомъ познанія съ Касцелліемъ Авломъ,
Все же онъ цѣну имѣетъ:—посредственнымъ быть стихотворцу,
Не позволяютъ ни люди, ни боги, ни даже колонны.
Какъ за пріятной трапезой симфонія въ полномъ разладѣ,
Макъ на Сардинскомъ меду и старый елей безуханный,
Только бѣсятъ, затѣмъ, что безъ нихъ бы могъ ужинъ продлиться,

---

Ст. 373. Колонны, на которыхъ вывѣшивались объявленія книго продавцевъ.

Ст. 383. Можетъ служить подтвержденіемъ уже высказанной нами мысли, что въ Римѣ на сочинительство порывались люди хорошаго общества.

Такъ и стихи, сочиненные съ цѣлью доставить пріятность,
Чуть не дошли до высокаго, въ низкое тотчасъ впадаютъ.
Кто не искусенъ на игры, не тронетъ на Марсовомъ полѣ
Ни лапты, ни мяча, ни диска, чтобы густыя
Зрителей стѣны не подняли вдругъ справедливаго смѣха.
Но стихи неумѣлый дерзаетъ писать. Отчего же
И не писать? Онъ свободный,—хорошаго дома и всадникъ
Даже по цензу, а въ частной жизни вполнѣ безупреченъ.
Ты ничего ни свершишь и не скажешь безъ воли Минервы,
Въ этомъ порукой твой разумъ и вкусъ. Но если рѣшишься
Что написать, то Меція слухъ избери ты судьею,
Да къ отцу обратись и ко мнѣ; лѣтъ на девять спрячь ты

Ст. 387. Спурій Мецій Тарпа, одинъ изъ первыхъ художественныхъ судей Рима, былъ, по словамъ схоліастовъ, въ продолженіе почти полувѣка однимъ изъ пяти коммиссаровъ критиковъ, безъ предварительнаго одобренія которыхъ, драматическое произведеніе не могло появляться на театрѣ. Засѣданія этой коммиссіи происходили въ храмѣ Аполлона.

Что написалъ: пока не издашь — передѣлывать ловко.
А всенародно заявленныхъ словъ ничѣмъ не воротишь.
Вѣстникъ священный боговъ, — Орфей обитателямъ дебрей
Отвращенье внушилъ къ убійствамъ и мерзостной пищѣ.
Вотъ почему говорятъ, что львовъ укрощалъ онъ и тигровъ.
И Амфіонъ, говорятъ, Ѳиванскихъ стѣнъ основатель
Звуками лиры каменья сдвигалъ и сладостнымъ даромъ

Ст. 391. Орфей, вводя между Ѳракійскими троглодитами начала гражданственности, внушилъ имъ отвращеніе къ употребленію въ пищу убитыхъ враговъ.

Ст. 394. *Амфіонъ*, съ братомъ близнецомъ *Цетомъ* (Ζῆθος), сынъ Зевеса и Антіопы. *Цетъ* остался пастыремъ и охотникомъ, а *Амфіонъ* звуками лиры сдѣлался строителемъ Ѳивскихъ стѣнъ. Въ этомъ многознаменательномъ мѣстѣ письма, Горацій, очеркивая догомерическое проявленіе поэзіи, ясно указываетъ на высокое значеніе, которое придавали древніе этому вѣчному элементу человѣческаго духа, до того родственному элементу религіозному, что отъ Орфея до Лютера, люди какъ только начнутъ молиться и возвышаться духомъ, — начинаютъ пѣть, и наоборотъ. Дѣйствительно, нужна почти не человѣческая грубость и тупость, чтобы послѣ всего этого отвергать благотворное дѣйствіе искусства, или пріискивать ему еще какой то внѣшней полезнос ти. Лучшія проявленія духа до того въ корнѣ своемъ срослись съ поэтическимъ восторгомъ, что все это вывело людей изъ троглодитовъ, въ состояніе гражданскаго

Ихъ размѣщалъ какъ хотѣлъ. Въ томъ мудрость у нихъ состояла,
Чтобъ разграничивши общее съ частнымъ, мірское съ священнымъ.
Воспретить переметную похоть, права дать супругамъ,
Созидать города и на деревѣ рѣзать законы.
Такъ имена и почетъ божественныхъ вѣщихъ и пѣсенъ
Возникали. За ними великій Гомеръ появился,
И стихами Тиртей возбуждалъ на Ареевы битвы
Души мужей; въ стихахъ вѣщалъ предсказанья оракулъ.

общества, какъ то: религія, гражданскіе законы, соціальныя отношенія, политическое устройство, науки и т. д., у всѣхъ первобытныхъ народовъ выражались въ поэтической формѣ стихами. и поэты-сѣятели всѣхъ этихъ благъ причислены къ лику боговъ.

Ст. 397. Вся ихъ мудрость и заслуга состояли въ томъ, что они сумѣли: „*Publica privatis secernere*" отдѣлить общее достояніе отъ частной собственности, мірское, гражданское отъ священнаго, церковнаго; воспретить „*concubitus vagus*" переметную похоть, антигражданственный и антисемейный этотъ элементъ встрѣчающійся. только между животными, не ведущими семейной жизни. Гдѣ есть гнѣздо и воспитаніе дѣтей, тамъ непремѣнно пара, отличающаяся замѣчательнымъ инстинктомъ взаимной привязанности. Созидатели гражданскихъ обществъ не ограничились указаніемъ на такую силу вещей, а опредѣлили взаимныя обязанности и права супруговъ. Не зная еще металлическихъ досокъ, они рѣзали буквы на деревянныхъ.

Ст. 402. Тиртей, возбуждавшій во время мессинскихъ войнъ въ Спартанцахъ мужество и единодушіе.

Жизнь наставлялась на истинный путь. Піериды
Къ милостямъ царскимъ вели и сцена, открыта какъ отдыхъ
Отъ долгодневныхъ трудовъ. И такъ не подумай стыдиться
Музы владычицы лиры и съ нею пѣвца Аполлона.
Лучшую пѣснь создаетъ ли природа, или искусство?
Вотъ вопросъ. Но не вижу я, что безъ талантливой жилы
Въ силахъ наука создать или даже талантъ безъ искусства?
Оба взывая другъ къ другу, вступаютъ въ союзъ полюбовный.
Кто готовится первымъ къ мечтѣ прибѣжать вожделѣнной,
Тяжести съ дѣтства носилъ, потѣлъ, холодалъ и работалъ,
Ни любострастья не зналъ ни вина; кто Флейтѣ Пиѳійской
Преданъ,—сначала учился и былъ предъ наставникомъ въ страхѣ

Ст. 408. Поставивъ вопросъ такимъ опредѣлительнымъ образомъ, Горацій положительно отвѣчаетъ, что врожденная жила (*vena*) таланта, на столько же нуждается въ наукѣ какъ и послѣдняя въ первой, вѣдь такова участь всѣхъ человѣческихъ дѣятельностей, изъ которыхъ Горацій для примѣра выбираетъ двѣ, болѣе подходящія къ поэзіи тѣмъ, что подобно ей не имѣютъ другой цѣли кромѣ славы.

Ст. 412. Желающій на олимпійскомъ бѣгѣ быть побѣдителемъ, съ отрочества готовится къ этому тѣлесными упражненіями и діэтой.

Ст. 415. Равнымъ образомъ, желающій состязаться въ пѣснопѣ-

Нынѣ довольно сказать: „я дивныя пѣсни слагаю
Пусть на отсталыхъ парша нападаетъ, стыжусь быть послѣднимъ“
Или сознаться въ незнаньи того, чему не учился“.
Какъ хвалитель товаровъ толпу зазываетъ къ покупкѣ
Такъ привлекаетъ къ себѣ льстецовъ поэтъ тороватый,
Если богатъ онъ полями и отданнымъ въ ростъ капиталомъ.
Впрочемъ, хоть будь онъ способенъ со вкусомъ давать угощенья,
Быть порукой за бѣднаго, иль изъ судебнаго дѣла
Выручить, я бъ изумился, когда бъ подобный счастливецъ
Былъ отличить въ состояньи истыхъ друзей отъ притворныхъ.

ніи въ честь Аполлона Пиѳійскаго учится, состоя въ послушаніи у наставника.

Ст. 416. Не достаточно въ напыщенной самонадѣянности восклицать: „я дивный поэтъ“ и щеголяя мужиковато тривіальными выраженіями, въ родѣ пожеланія: „*парши*“ всѣмъ отсталымъ, комически сознаваться, что, не имѣя на то ни малѣйшаго права, стыдишься быть послѣднимъ, или показать незнаніе въ томъ „чему не учился“. Такія смѣшныя претензіи, не произведя никогда двухъ художественныхъ стиховъ, были только вѣчнымъ источникомъ всяческаго безобразія.

Ст. 419. Такое напыщенное самолюбіе еще болѣе раздуваютъ въ богатомъ поэтѣ хлѣбосолѣ разные прихлебатели и искатели выгодъ. Богатаго поэта, въ этомъ случаѣ, Горацій сравниваетъ съ (*praeco*) зазывателемъ въ купеческую лавку. (Какъ не остановиться и на этомъ сходствѣ съ нашею жизнію)!

Если кому что даришь, иль что подарить замышляешь,
То стиховъ ты ему своихъ не читай въ эту пору;
Съ радости онъ закричитъ: „отлично! прекрасно! прелестно“!
Даже вдругъ поблѣднѣвши, изъ дружескихъ глазъ онъ уронитъ
Слезы и вскочитъ въ восторгѣ и въ землю затопчетъ ногами.
Какъ нанятыя рыдать надъ усопшимъ, едвали не больше
И говорятъ и мятутся—самихъ душевно скорбящихъ,
Такъ насмѣшникъ дѣйствительно больше хвалителя тронутъ.
У богачей есть обычай множествомъ мучить бокаловъ,
Какъ бы пытая виномъ человѣка, съ желаньемъ извѣдать
Дружбы достоинъ ли онъ. Ужь если стихи сочиняешь,
То опасайся похвалъ, прикрытыхъ лисьею шкурой.
Если читали стихи Квинтилію—„другъ“ говорилъ онъ,

Ст. 425. Какъ бы ни былъ такой поэтъ Амфитріонъ, вліятеленъ и ловокъ, едвали удастся ему отличить у себя истиннаго друга отъ льстеца.

Ст. 434. Обычай заставлять гостей черезъ силу пить вино, который Горацій въ шутку называетъ пыткою, устрояемою для отысканія истинной дружбы, скорѣе ведетъ къ противоположнымъ результатамъ, напоминающимъ басню о воронѣ и лисицѣ.

Ст. 438. Въ противоположность льстецамъ, Горацій припоминаетъ

„Это и это исправь“. — а сталъ говорить, что не можешь
Хоть два, три раза пробовалъ,—„такъ зачеркни“— онъ сказалъ бы,—
„Чтобы на наковальнѣ не оглаженной стихъ передѣлать“
Если же ты отстоять а не справить ошибку старался,
То уже болѣе онъ не тратилъ рѣчей по пустому,
Предоставляя тебѣ, въ одиночку любить твое чадо.
Честный и умный судья неудачныхъ стиховъ не пріемлетъ,
Жесткого не допускаетъ, взъерошенный стихъ отмѣчаетъ
Мрачной чертой, урѣзаетъ прикрасы, внушенныя чванствомъ:
Ясности темнымъ стихамъ заставитъ придать, не допуститъ
Рѣчи двусмысленной; что подлежитъ передѣлкѣ отмѣтитъ.
Словомъ онъ Аристархъ—и не скажетъ: „за что я обижу

какъ тонкаго и не подкупнаго критика, бывшаго друга своего Квинтилія Вара, котораго смерть онъ оплакалъ (въ Од. 1. 24).

Ст. 450. Какъ Херилъ выставленъ Гораціемъ, представителемъ несчастныхъ стихокропателей, такъ въ глазахъ его идеаломъ критики является *Аристархъ*, извѣстный александрійскій исправитель текста Гомеровыхъ поэмъ.

Друга такою бездѣлкой? А эти бездѣлки доводятъ
До бѣды, если разъ осмѣяли и приняли плохо
Какъ отъ страдающаго чесоткой или желтухой
Иль бѣсноватого или отъ жертвы гнѣвной Діаны—
Всякій разумный бѣжитъ и страшится безумца поэта.
А мальчишки, гоняясь за нимъ, его безпокоютъ.
Если жь, превыспренними стихами рыгая, сорвется
Онъ, какъ иной птицеловъ на дрозда заглядѣвшійся,—въ яму
Или колодецъ,—и станетъ протяжно вопить:—„помогите,
Добрые граждане! „пусть никто не бѣжитъ на подмогу.
Если же бросится кто помогать, опуская веревку,
То я скажу: „какъ знать быть можетъ спрыгнулъ онъ нарочно
И не желаетъ спастись"? — И кстати припомню погибель

Ст. 451. Излишняя снисходительность друзей ведетъ піесу къ паденію на театрѣ, а самаго писателя ко всеобщему осмѣянію. Всѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ зараженнаго прилипчивою или страшною болѣзнію; жертвы гнѣвной діаны (*iracunda diana*) лунатика.

Ст. 457. Желая представить болѣзненное (не здравое) и не произвольное состояніе экзальтированнаго поэта, декламирующаго про себя, Горацій говоритъ, что онъ „*рыгаетъ*" стихами. Если безумецъ при этомъ упадетъ въ яму, какъ птицеловъ засмотрѣвшійся на дрозда, или какъ нашъ *Метафизикъ* Хемницера, то Горацій совѣтуетъ не выручать его, злобно утверждая, что не должно стѣснять поэтическихъ вольностей.

Сицилійца — пѣвца. Когда за безсмертнаго бога
Признаннымъ быть захотѣлъ Эмпедоклъ—спокойно спрыгнулъ онъ,
Въ пламень Этны. Такъ пусть погибать будутъ въ правѣ поэты!
Кто спасаетъ насильственно,—сходенъ поступкомъ съ убійцей.
Не послѣдній онъ такъ поступилъ, хотя и спасенный
Онъ человѣкомъ не станетъ и громкую смерть не разлюбитъ.
Не довольно понятно, чего онъ стихи все кропаетъ?
Не опоганилъ ли праха отца онъ, иль мѣста святаго
Не осквернилъ ли нечестьемъ? Но явный безумецъ, онъ словно
Разломавшій рѣшотку медвѣдь, убѣжавшій изъ клѣтки,

Ст. 465. *Эмпедоклъ* изъ Агригента въ Сициліи (въ половинѣ IV вѣка до Р. X.) государственный мужъ, философъ и поэтъ, проповѣдывавшій переселеніе душъ, тѣмъ самымъ подалъ вѣроятно поводъ къ дошедшему до насъ анекдоту о его кончинѣ, согласно которому онъ, ища безсмертія и новой метаморфозы, бросился въ жерло Этны. Мало заботясь о достовѣрности преданія, Горацій пользуется имъ, чтобы выставить ненасытное самолюбіе, не останавливающееся ни передъ чѣмъ, ни даже передъ смертію, лишь бы она была громка и общеизвѣстна.

Ст. 470. Горацій иронически спрашиваетъ о причинѣ такого болѣзненнаго стихокропанія.

Ст. 471. Опоганить (такъ перевели мы глаголъ *mingere*) прахъ умершаго считалось великимъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе прахъ

Чтеньемъ ужасныхъ стиховъ и невѣждъ и ученыхъ пугаетъ.
Если поймаетъ кого,—до смерти его зачитаетъ,
Не отстанетъ какъ пьявка, пока не наполнится кровью.

отца. Мѣсто пораженное молніей считалось священнымъ, и боги карали безуміемъ сего осквернителя.

ДОПОЛНЕНІЕ.

I.

ЗЕВСЪ.

Шумъ и гамъ,—хохочутъ дѣвы,
Въ мѣдь колотятъ музыканты,
Подъ визгливые напѣвы
Скачутъ, пляшутъ корибанты.

Въ кипарисной рощѣ Крита
Вновь заплакалъ мальчикъ Реи,
Потянулъ къ себѣ сердито
Онъ сосцы у Амальтеи.

Юный богъ ужь ненавидитъ,
Эти крики местью дышатъ,
Но земля его не видитъ,
Небеса его не слышатъ.

II.

Сны и тѣни—
Сновидѣнья,
Въ сумракъ трепетно манящія,
Всѣ ступени
Усыпленья
Легкимъ роемъ преходящія,
Не мѣшайте
Мнѣ спускаться
Къ переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мнѣ умчаться
Съ вами къ свѣту отдаленному.
Только минемъ
Сумракъ свода,
Тѣни станемъ мы прозрачныя,
И покинемъ
Тамъ у входа
Покрывала наши мрачныя.

— ⊰⊱ —

III.

КЪ СИКСТИНСКОЙ МАДОННѢ.

Вотъ Сынъ ея.—онъ тайна Іеговы,—
Лелѣемъ дѣвы чистыми руками.
У ногъ ея земля подъ облаками,
На воздухѣ нетлѣнные покровы.

И преклонясь съ Варварою готовы
Молиться ей мы на колѣняхъ сами,
Или какъ Сикстъ блаженными очами
Встрѣчать того, кто рабства сергъ оковы.

Какъ ангеловъ, младенцевъ окрыленныхъ,
Узришь и насъ, о дѣва! не смущенныхъ:
Здѣсь угаснетъ предъ тобой тревога.

Такой тебѣ, Рафаэль, вѣстникъ Бога,
Тебѣ и намъ явилъ твой сонъ чудесный
Царицу женъ—царицею небесной.

IV.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВЪ.

Съ чѣмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный,
Мы два конька скользящихъ на рѣкѣ,
Мы два гребца на утломъ челнокѣ,
Мы два зерна въ одной скорлупкѣ тѣсной,
Мы двѣ пчелы на жизненномъ цвѣткѣ,
Мы двѣ звѣзды на высотѣ небесной.

V.

ШОПЕНУ.

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,—
Подъ чарующіе звуки
Тѣже счастье, тѣже муки,
Слышу трепетныя руки,—
Ты еще со мной.—

Часъ блаженный, часъ печальный,
Часъ послѣдній, часъ прощальный,
Тѣ же легкія одежды,
Ты стоишь, склоня вѣжды,—
И ненужно мнѣ надежды:
Этотъ часъ,—онъ мой.

Ты руки моей коснулась,
Разомъ сердце встрепенулось;
Не туда, въ то горе злое,
Я несусь въ мое былое,—
Я на все, на все иное
Отпылалъ,—потухъ.

Этой пѣснѣ чудотворной
Такъ покоренъ міръ упорной:
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествуетъ часъ разлуки,
И когда загаснутъ звуки —
Разорвется вдругъ.

VI.

РОМАНСЪ.

Злая пѣснь! какъ больно возмутила
Ты дыханьемъ душу мнѣ до дна,
До зари въ груди дрожала, ныла
Эта пѣсня, эта пѣснь одна.

И поющимъ отдаваться мукамъ
Было слаще обаянья сна,
Умереть хотѣлось съ каждымъ звукомъ,
Сердцу грудь казалася тѣсна.

Но съ зарей потухнулъ жаръ напѣвный
И душа затихнула до дна;
Въ озаренной глубинѣ душевной
Лишь улыбка устъ твоихъ видна.

VII.

МУЗѢ

Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ;
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Не посвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверналъ.

Все таже ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МЕЛОДІИ.

ROMANZERO.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНІЯ.

ПЕРЕВОДЫ.

(ИЗЪ ГЕТЕ).

(ИЗЪ УЛАНДА).

(ИЗЪ ГЕЙНЕ).

Дозволено цензурой. Москва, 28 декабря 1882 г.

BINDING SECT. JUL 2 - 1968

540028

LR S5465ve

Shenshin, Athanasy Athanas'

Вечернiе огни.

[Transliterated: Vechernie

DATE	NAME OF BOR
Dec 5/52	Helen May